

Виктор ФИЛИПЕНКО

ОНИ — ИЗ КАРАЧАЯ

КАРАЧАЕВСКИЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

К 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Виктор ФИЛИПЕНКО

ОНИ – ИЗ КАРАЧАЯ

(документальные повести и документальные рассказы)

Подготовлено историко-культурным обществом
«АЛАНСКИЙ ЭРМИТАЖ»
ВЫП. XIII

СТАВРОПОЛЬ - 2005

Ответственный редактор
И.М. ШАМАНОВ
 кандидат исторических наук,
 академик - действительный член МТА.

Редакционный Совет:

Ш. М. БАТЧАЕВ, кандидат исторических наук (Карачаевский НИИ); **Р. М. БЕГЕУЛОВ**, кандидат исторических наук, доцент (Карачаево-Черкесский госуниверситет); **М. М. ИЖАЕВ**, научный сотрудник (Карачаево-Черкесский историко-культурный и природный музей-заповедник); **К. С.-Б. УРУСОВ**, научный сотрудник (Карачаевский НИИ); **Р. Т. ХАТУЕВ**, кандидат исторических наук, академик - действительный член РМА (Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований).

648312

Книга издается к 60-летию Великой Победы по инициативе и при содействии Правительства Карачаево-Черкесской Республики, лично Бориса Хаджи-Ахматовича Гочияева и Науара Мухтаровича Урусова, которым автор выражает свою искреннюю признательность.

НА СЛУЖБЕ ПАМЯТИ

(об авторе)

Исмаил ТОХЧУКОВ, народный поэт Карачаево-Черкесии, член Союза писателей России:

В сборник вошли повести и рассказы о жителях Карачаево-Черкесии, отличившихся в боях. Автор не впервые прибегает к документалистике. Конечно, это не легко находить таких людей, дотошно узнавать о их боевых делах, строго следуя той или иной дате в их жизни, точно узнавая адрес, места того или иного события, также точно указывая фамилии тех, кто воевал с героем повествования рядом и т. д. и т. п. Конечно, я не хочу сказать, что легко сев за стол, дав разгул авторской фантазии, и придумывая те или иные события, сплетая нить повествования, нет и еще раз нет, я далек от такой мысли. Но, согласитесь со мной, создавать документальное повествование намного труднее. Тут стоит заметить, что «пионером» этого вида прозы стал в Карачаево-Черкесии журналист, полковник запаса Валентин Нежинский. Он рассказывал о таких наших земляках, как Герой Советского Союза Мурат Карданов, Сергей Белан, Харун Богатырев, Осман Касаев и другие. Его книга «Звезда героев» нашла путь к сердцу читателя. Есть у него и другие документальные книги.

По его пути пошел и журналист Виктор Филиппенко. Вне всякого сомнения, ему крепко помогли советы старшего, более опытного товарища. И вот одна задругой выходят в свет его книжки об уроженцах Карачаево-Черкесии, отличившихся на полях сражения в Великой Отечественной войне. Это «Алая гвоздика», «Есть на земле друг», «Были горного края» (издательство г. Черкесска), «Сад Измаила» (издательство г. Ставрополя), «Третий орден» (издательство г. Нальчика) и другие. Они тепло были встречены читателями. Очерки В. Филиппенко на эту тему публиковались в журналах «огонёк», «Крестьянка», «Аврора» и других.

И вот передо мной очередная его рукопись документальных произведений, посвященных 60-летию нашей Великой Победы «Они - из Карачая». Повести и рассказы об уроженцах Карачаево-Черкесии, одних из них уже нет в живых, другие еще живы. Но и те, которых нет в живых, живут в нашем сердце, в нашей памяти, и о них не дают нам забыть такие книги, как «Они - из Карачая». Кстати, в предисловии к рукописи, написанной кандидатом культурологи С. С. Темировым много сказано теплых слов автору о его творчестве.

Вот документальная повесть «Ветер Ровенских лесов» - об уроженце Карачая Дугерби Танаевиче Узденове, который был участником событий, что происходили под Ровно, в отряде знаменитого Медведева, где он познакомился с разведчиком Героем Советского Союза Кузнецовым.

Отвоевав, вернулся домой и, как ведет себя настоящий боец, тихо, скромно жил. Вот его и «обнаружил» Виктор Филипенко. И рассказал о нем людям. О чем пишется в повести, говорить не стану, пусть читатель сам «познакомится» с героем. Одно скажу, повесть написана в сдержанном тоне, без выпоренных фраз, но каждое слово убедительно показывает, настолько самоотверженно воевали за свободу родной земли наши люди, какой великий был их ратный подвиг. Но об этом узнает читатель из повести. Одно скажу, что в том, что Дугерби Узденову, первому в Карачаево-Черкесии, было присвоено высокое звание героя России, есть, пусть и небольшая капелька, заслуги автора, который первым о нас рассказал людям.

«Бурка джигита» - так называется вторая повесть о нашем земляке Аббаева, ставшего на войне командиром кавалерийского полка. Стоит заметить, что повесть пронизана духом интернационализма, нерушимого братства людей, что крепко помогало им в бою. Полк Аббаева защищал землю Украины, а его командир погиб под Полтавой.

А документальные рассказы! Когда ценой своей жизни комсорг батальона, уроженец Верхней Мары, карачаевец Гусейнов спасает свой отряд. Или женщины-карачаевки, матери, рискуя жизнью (рассказы «Мама Кули», «О чем Теберда шумит») спасают русского мальчика и еврейских девушек. Это пересказать невозможно - это надо читать!

Конечно, дело издательства давать этой рукописи путевку в жизнь или нет, но если нужно мое мнение, как рецензента, я за то, чтобы книга увидела свет накануне нашей Великой Победы. Это то, что нужно нынешней молодежи, которая порой не знает, почему те или иные улицы носят название Лободина, Ладра и т. д. А у некоторой части молодежи, к сожалению, представления о Великой Отечественной войне весьма туманные. А кто из них знает о талантливом военачальнике, участнике войны, генерале Магометове? Да никто. Поэтому такая книга, на мой взгляд рецензента, будет способствовать и патриотическому, и интернациональному воспитанию наших девушек и юношей, они будут знать, что герои войны жили или живут на улице, селе или в их районе. А это для воспитания не просто очень важно, а нужно, как воздух.

* * *

Султан Темиров, кандидат культурологии:

Стоит сказать, что автор не впервые обращается к этой теме. Возможно потому, что она ему очень близка, так как он сам участник тех событий, терял боевых товарищей на полях сражений, закончил войну в Северной Корее, на 38- параллели, границе с Южной Кореей. И по всей вероятности, все те события, которые пришлось пережить ему - 18- летнему в то время пареньку навсегда врубились в память. А может быть врубились в память те солдаты, что гибли рядом с ним... Кто знает...

Но, вернувшись к мирной жизни и став журналистом, а впоследствии - Заслуженным работником культуры России, он избрал для себя главную тему своего творчества - Великую Отечественную войну. Он долгое время был собственным корреспондентом «Ставропольской правды» по Карачаево-Черкесии. Поездки по горному краю, встречи с его жителями, доверительные разговоры, а к ним Виктор Константинович умеет располагать, по себе знаю - мы знакомы с ним около тридцати лет и это согласитесь, дает мне право так утверждать ибо, как гласит широко известная русская поговорка, чтобы узнать человека, нужно с ним пуд соли съест. А мы с автором рукописи «Они - из Карачая» съели ее куда больше. И эта черта характера, повторяю, открывала ему путь к душе человека, располагала к искренности, к доверию и давала В. Филипенко богатейший материал для творчества. У него вышло 15 книг, из них ваш покорный слуга прочитал более десяти. И там, где речь идет об участниках Великой Отечественной войны, они строго документальные. Но, несмотря на этот документализм, автор сумел так преподнести факты, что от того или иного материала нельзя было оторваться, пока не дочитаешь до конца. «Третий орден», «О чем Теберда шумит», «Были горного края», «Есть на земле друг», «Сад Измаила» и другие его книжки стали моими постоянными спутниками. Автор не мудрствует лукаво, а преподносит факты так, как преподнесли ему их участники событий. А разве лучше, согласитесь со мной, расскажешь, чем рассказывает сам участник военных событий. Такие материалы Виктора Константиновича публиковались в журналах «Огонек», «Аврора», «Дон», «Крестьянка», «Неман», «Наш современник» и другие, в газетах «Красная Звезда», «Сельская жизнь», «Ветеран», «Достоинство», получали путевку в жизнь в издательствах Нальчика, Черкесска, Ставрополя...

Дабы читатели не подумали, что я славлю своего знакомого, сошлюсь и на других авторов. Беру наугад. Бывший редактор газеты «Экспресс - почта» Михаил Кивилев. Газета эта выходила в Черкесске, выходит тут и сейчас. Вот несколько строк из статьи М. Кивилев: («Экспресс - почта» № 25 17 июня 1986 г.) «Фронтовик, журналист, писатель Виктор Филипенко». «...Это славная страничка истории журналистики Ставрополя и Карачаево-Черкесии. Многие из нас прошли школу ветерана, учились у него мастерству... Особое место в творчестве Виктора Константиновича занимает тема войны - он сам фронтовик и поэтому нет для него важнее, дороже и святее темы, чем судьба защитников Отечества, тех кто не жалел крови и самой жизни ради Победы». Лучшее, и убедительнее, пожалуй, и не скажешь, как сказал М. Кивилев... Нет для него важнее, дороже и святее темы, чем судьба защитников Отечества».

А вот мнение Виктора Филипенко, с которым он делился с автором этих строк о Карачаево-Черкесии: «Чем больше изучал и вникал в жизнь

Карачаево-Черкесии, тем больше убеждался в огромном интернационализме, неиссякаемом дружелюбии, доброте и хлебосольности ее народов. Такое, к сожалению, не везде и не всегда встретишь».

Так не он один думает. Стоит сослаться на такой документ. В Приветствии к юбилею Карачаево-Черкесии Президент Белоруссии Лукашенко сказал о том, что народ Белоруссии высоко ценит и никогда не забудет боевого участия лучших сынов Карачая в партизанском движении Белоруссии в годы гитлеровской оккупации. И в борьбе за освобождение Белоруссии от фашистской неволи есть вклад и лучших сынов Карачая. Тут, как говорится, ничего не добавить, не убавить.

Несколько раз Союз журналистов нашей страны посылал Виктора Константиновича в Болгарию. И в этих поездках он остался верен себе, рассказал о тех хороших людях, которые ему встретились за Дунаем. Так родилась книга документальных повестей и новелл. «В Софии цветут розы» (издана в г. Ставрополе), «Там за Дунаем, Болгария» (издана в г. Черкесске) и пьеса «Там, где речка Луда-Яна» (поставлена народным театром г. Черкесска). Но как в прежних его произведениях, здесь основа была документализация.

Но коль зашла речь о постановке народного театра «Там, где речка Луда-Яна», стоит поведать и вот о чем. В те дни, когда шел этот спектакль, в Черкесске побывали гости из болгарского г. Пештера - побратима г. Черкесска. Их, конечно, пригласили на спектакль. Они, без преувеличения говорю, были в восторге от увиденного, о чем, кстати, рассказали по Карачаево-Черкесскому радио. Пьеса была сердечно принята гостями еще и потому, что некоторые из них были участниками тех событий, о которых шла речь. Дело в том, что сразу после освобождения Болгарии от гитлеровцев, в селах были созданы кооперативы по обработке земли. Наши воинские части помогали, как могли, крестьянам в сельскохозяйственных делах. В то село, где жили тогдашние гости Черкесска, воинская часть прислала на месяц гусеничный трактор с механиком. И он месяц пробыл в селе. Это событие и легло в основу пьесы. Само собой разумеется, подобное не могло не взволновать до глубины души болгарских гостей.

Но коль речь шла о болгарской теме в творчестве В. Филипенко, стоит на ней еще остановиться. Автор, как я уже отмечал выше, несколько раз посетил эту страну и многое из того, что он увидел, легло в основу его произведений. Но, на мой взгляд своеобразным итогом его творчества автора на эту тему стала документальная повесть «Жизнь, отданная людям». Это очень душевный рассказ о дружбе Великого сына болгарского народа Георгия Димитрова с моими земляками - карачаевцами. Он был близко знаком с председателем Карачаевского облисполкома Курманом Курджиевым. Многолетняя, искренняя дружба связывала этих двух незаурядных людей. А познакомились они в период совмест-

ной работы в Коминтерне. Была в те времена у нас в стране такая международная организация. И вот, по приглашению Курджиева, Димитров, в тот период отдохнувший в одном из санаториев г. Кисловодска, посетил Карачай. Он в восторге был от гор, речки Теберды, курортных здешних мест, и все время повторял, что обычаи горцев, их уклад жизни напоминает ему его земляков, а здешние горы - напоминают болгарские горы Родопи. Как напоминание об этом историческом событии в г. Карачаевске сооружен барельеф Георгию Димитрову. Будучи в Болгарии, автор собрал материал об этом замечательном человеке, дополнил его сбором материалов в Карачае. Пробил час и Ставропольское книжное издательство «дало путевку в жизнь» добротной, с душой оформленной документальной повести «Жизнь, отданная людям». Так автор, в меру своих сил, постарался раскрыть еще одну страничку из истории моего народа.

Но вернемся к дням сегодняшним.

И вот опять передо мной очередная книжка Виктора Филипенко «Они - из Карачая», посвященная 60- летию нашей Великой Победы. В ней две документальные повести «Ветер Ровенских лесов» и «Бурка джигита» и шесть документальных рассказов. О повести «Ветер Ровенских лесов» хочется сказать особо. Стоит заметить, что настоящие воины так и ведут себя, как главный герой этого произведения, как говорить - не рвут тельняшку на груди, требуя всяческих благ. Виктор Константинович, первым среди журналистов, разыскал его и рассказал людям. Дутерби Узденов воевал в знаменитом отряде Медведева, который находился в Ровенских лесах, был знаком с легендарным разведчиком Кузнецовым. И то, что Дутерби Танаевич был удостоен, причем первым в Карачаево-Черкесии, высокого звания Героя России, есть, по - моему, хоть капелька заслуги, но этой документальной повести. Рассказал автор и о том, как открывая памятник в г. Ровно Герою Советского Союза разведчику Николаю Кузнецову, украинцы пригласили на это торжество горцы Дутербия Узденова.

Не стану больше комментировать сборник «Они из Карачая», пусть сам читатель даст ему оценку. А что он, как и прежние сборники на эту тему, придется по душе читателю - не сомневаюсь. Одно могу сказать - рад что мне предоставлена честь сказать доброе слово об этом сборнике, сборнике, который приоткрывает еще одну страничку истории Великой Отечественной войны.

ЧАСТЬ I

И СКАЗАЛИ ГОРЫ... (Документальные повести)

Ветер Ровенских лесов

*Гвозди бы делать из этих людей,
Крепче бы не было в мире гвоздей.*
Н.Тихонов

1.

- Товарищ капитан, к вам пришли, - дежурный инспектор Карачаевского горрайотдела внутренних дел обратился к капитану Дутерби Танаевичу Узденову.

- Кто там ко мне пришел?

- Он не назвал фамилию, но утверждает, что очень хочет вас видеть и вы, мол, обрадуетесь этой встрече.

Встал, невысокий, широкоплечий, с мужественным, открытым лицом и седыми волосами. Это пятьдесят прожитых лет оставили на них такой кипельный налет. По старой армейской привычке одернул китель, пробежал рукой по пуговицам - все ли застегнуто.

На дворе его ждал стройный, косая сажень в плечах, росту без малого два метра мужчина лет под сорок. Черная копна волнистых волос поднималась над высоким лбом.

- Вы ко мне? - спросил его капитан.

- Если вы Дутерби Танаевич, да еще и Узденов, то я к вам, - улыбка не сходит с лица мужчины, а в черных глазах так и прыгают лукавые бесенята.

- Постойте, постойте, что-то мне ваше лицо знакомо, - даже растерялся Узденов.

- Может быть и знакомо, - опять улыбнулся, - Правда, двадцать пять лет тому назад в Ровенских лесах оно было чуть-чуть не таким.

- В Ровенских лесах? Да не может быть... Неужели это ты, Михаил? - рванулся к мужчине капитан.

2.

Из дневника С.М. Гуменюка

«Итак, мы в отряде капитана Дутерби Танаевича Узденова. Он уроженец Северного Кавказа, карачаевец, агентурный псевдоним «Дядя Гриша». Умный, волевой и смелый кадровый офицер. Позже мы вделись в состав партизанского соединения, которым командовал Герой Советского Союза полковник Антон Петрович Бринский, сам из села Андреев-

ки, Хмельницкой области. Ждут нас боевые дела, кого-то из нас пули врага помилуют, а кому-то на роду написано сложить свою голову. Что сделаешь? Война - или мы его, или он нас, середины не будет. Но все-таки - мы его, и такой счет предъявим, что содрогнется не только каждый фашист и проклянет тот день, когда пошел войной на нас, но и внукам закажет. У нас собрались боевые ребята -Василий Нечай, Игорь Ткачук, Николай Корягин...Да разве всех перечислишь!»

* * *

Группу, которую возглавлял офицер Дутерби Танаевич Узденов, выбросили глубоко в тыл врага, в леса северо-восточнее Ровно. Давно уже стихли в небе, где-то на востоке, последние перегуды самолетных двигателей, закопаны парашюты, собран груз, проверено еще раз оружие. Замигали лампочки рации. Есть связи! Предстоял нелегкий труд - именно труд! - иначе и не назовешь — в тылу у фашистов. Взрывать склады боеприпасов и другого снаряжения, «поднимать» на воздух мосты и железнодорожные пути, пускать под откос воинские эшелоны. Кроме того, добывать сведения о вражеских войсках и передавать их командованию. Так начались их будни. Установили связь с соседними подобными группами, стали координировать свои действия. Летели склады, валились под откос эшелоны, тайны, казалось спрятанные за семью замками, становились известными. Гитлеровцы почувствовали, что в их тылу действуют крепкие, хорошо организованные диверсионные группы, работу которых направляет умелая и сильная рука. Поиски таких групп были безуспешными. Их надежно укрывали Ровенские леса...

...Однажды вернулся с задания отряд, которым командовал Григорий Вареник. Доложил Уздену о выполнении задания, но не торопился уходить отдыхать. Чего-то топтался рядом, все порывался о чем-то сказать.

- Ну что такое? Чего еще не выяснил?
- Да выяснил все... Тут одна заковыка...
- Какая еще заковыка?
- Мальчишку принесли...
- Мальчишку? Может я ослышался?
- Да нет, не ослышался, в самом деле принесли мальчишку.
- Ты что? - аж взвился Дутерби Танаевич. - Приказ забыл?
- Да нет, не забыл...

А приказ был такой - строго-настрого запрещалось приводить к месту нахождения отряда кого-либо из населения окружающих сел, дабы не навести врага на след группы.

- А если не забыл... начал было Узденов, но Вареник его перебил:
- Готов хоть под трибунал, но пойми, не мог ни я, ни ребята не могли оставить мальчонку! Выше наших сил это! Умом понимаем,

что нельзя, а сердце разрывается! - И это было сказано с такой болью, что Узденов сразу понял - иначе поступить его товарищи действительно не могли.

- Ну, хорошо, - вздохнул он, - пойдем посмотрим твоего мальчишку.

Говорит В.А. Нечай

«Наш отряд в этом походе возглавил сам «Дядя Гриша». Дугерби Танаевич внимательно, даже слишком уж придирчиво, проверил снаряжение. Чтобы ни одна железячка на тебе не звякнула, ни одна металлическая пряжка» - голоса не подала» Сколько раз давал команду: «Попрыгайте!» И наконец:

- В путь!

Подошли незаметно к железнодорожному пути. Узденов расставил посты.

- А ну, Вася, - обратился ко мне, - «послушай рельсы».

- Есть!

Вьюном крутнулся по земле к остальному полотну. Положил ухо на рельсу. Сначала ничего не слышно было. Прошло минут десять, хотел уже было уходить, когда... Что это? Вроде комар загудел. Прислушался. Все громче и громче. Точно. Идет поезд. Да видно добре груженный, дрожат уже рельсы. Машу рукой. Есть, мол. Сигналият мне - закладывая гостинец.

Быстро финкой яму выковырял. Мину приспособил. Килограммов восемь тола. До самого отца небесного состав поднимет. Приладил взрыватель, как полагается, - и к своим. Вот и состав. Начиненный пушками да солдатами, как добрый вареник сыром. Три офицерских вагона. Под брезентом на платформах танки. На восток. К фронту. Два паровоза тянут, торопятся. Торопитесь, торопитесь...

Казалось, небо раскололось от взрыва. Встал на дыбы первый паровоз и словно нехотя начал клониться в сторону. На него полез второй, стали горбиться вагоны и лопаться, как перезрелые стручки гороха. Полетели под откос платформы. Рванули боеприпасы. Пламя забушевало. Крик, стон. Не дошел до фронта это эшелон убийц!

- Ходу, хлопцы, - дал команду Узденов, и только лесная трава зашелестела у нас под ногами».

5.

Полиция ворвались в дом поздно ночью. Не ожидая, пока откроют, сорвали дверь с петель. По стенам, по испуганным лицам отца и матери запрыгало круглое пятно мертвого света их электрического фонаря.

- Спали себе, большевистское отродье! - комната наполнилась руганью, запахом самогонки и острым запахом пота давно не мытых человеческих тел.

- Пошли!

Миша испугано жался к ногам матери. Он настолько перепугался, что даже не мог заплакать.

- Хоть одеться дайте, - заикнулась было мать.

- Ни к чему, на том свете и в таком одеянии примут, - хрипло бросил видно старший из полицаев и все дружно заготовали.

В комендатуре били. Офицер, в черной эсэсовской форме, стегал мать по лицу гибким резиновым шлангом, бил отца по пальцам рукояткой парабеллума. С хрустом лопались кости пальцев, кровь разбрызгивалась во все стороны густыми, темно-красными цевками.

- Скажите, через кого поддерживаете связь с партизанами? Кому продукты вчера отправили на повозке? Для чего медикаменты закупаете? Куда их деваете?

Вопросы сыпались градом. И били, и били, и все это на глазах у Миши. Мать сначала кричала от ударов, потом только глухо стонала. Отец сцепил зубы и ни единого звука, лишь скрипели зубы, так скрипели, что Мише казалось, сейчас они раскрошатся в порошок, отец раскроет рот и выплюнет его, этот порошок.

- Мы знаем, что вы коммунисты, что вас специально оставили в селе. Говорите, говорите, - и снова били, били. И так несколько суток, несколько суток нечеловеческих мук...

- Молчите? В расход! - крикнул гестаповец.

Их всех троих схватили, вытащили на двор, в темноту ночи. И с автомата прямо в упор. Отец молча согнулся, словно переломился пополам, а мать ойкнула, негромко так, даже как-то удивленно. Но о сыне она все время помнила. И когда били, старалась заслонить его своим телом от ударов, и сейчас, когда свинец плюнул ей в лицо и грудь, мать осталась, матерью - успела заслонить своим телом сына и упала на него, прошитая пулями. Гитлеровцы посчитали, что и он убит. А он лежал, прикрытый матерью, с ужасом чувствовал, как по груди его стекает теплая кровь матери, а тело ее с каждой минутой наливается холодом...

Когда затихли вдали шаги убийц, он еще подождал с полчаса, потом выбрался из-под матери и убежал. Куда бежать - не знал... Одного хотелось - в лес, подальше от всего того страшного, что принесли гитлеровцы...

6.

- Все готово?

- Так точно, герр штурмбанфюрер!

- Смотрите, обер лейтенант, в случае провала не только с погонами, но и с головой расстанетесь.

- Слушаюсь!

- Слушаюсь, слушаюсь... Эти партизаны не дают нам, буквально, дыхнуть, доннэр вэтэр!

- Так точно!

- Да прекратите вы... Зарядили... К ним в лес туда не сунешься. Каждый куст стреляет. Наши радисты перехватили передачу. Правда, понять до конца не удалось все, какие-то дяди Гриши, дяди Пети появились... Чертовщина какая-то... Сколько мы солдат рейха положили уже в тех лесах? -штурмбанфюрер уставился на обер-лейтенанта.

-Айн момент! - тихо хотел было заглянуть в свои записи, но эсесовец махнул рукой:

- Не надо, - сморщился, - и так знаю, что порядком, - и опять повторил, - на этой богом проклятой земле каждый куст стреляет. У нас пока единственная надежда заслать, любой ценой, но заслать к партизанам своих людей. Пусть вживутся там, а потом наладят с нами связь и будут передавать, куда уходят на задания, а уж мы постараемся, чтобы свидание с ними было горячим, - штурмбанфюрер скривил тонкие бескровные губы, что должно было означать улыбку. Обер-лейтенант подобострастно оскалился. - Так вы говорите, что хорошо подготовили наших людей?

-Две недели на воде сидела, да через день хлеб получала. Не мылась, да раза три Курт с ногойкой поработал. И второй тоже готов.

- Курт умеет. Надеюсь, кости он ей не поломал.

- Ничего нет.

- А то может. Войдет в азарт и делает из человеческого тела дерьмо.

- Так точно!

- Мда-а... Ну, что ж, господа партизаны, приготовим мы вам сюрприз, которого вы не ждете. Уж на эту удочку вы клонете, а тут вам и капут. Обер-лейтенант!

Тот щелкнул каблуками и вытянулся.

- Зовите ко мне этих. Я еще сам перед отправкой побеседую с ними.

- Яволь!

- Кстати, - штурмбанфюрер слегка приподнял руку. Обер-лейтенант замер. - Не забудьте им вшить в воротники ампулы с цианистым калием. Так, на всякий случай.

- Слушаюсь!

- А теперь зовите.

7.

Узденов и Вареник неслышно подошли к мальчику. Он был словно маленький, запуганный зверек, грязный, худой - в прорехи рубахи так и выпирали тоненькие ребрышки. Кожа на лице сморщилась, как у старика, а черные глаза стали от этого непомерно большими и тревожно зыркали на людей. Сколько ему лет? Можно дать и десять, а глянешь на лицо, то и в два раза больше.

Он сидел под деревом, обхватив острые колени руками и положив на них голову с всклокоченными волосами, сидел сгорбившись, а сквозь

дырявую рубаху выпирала острая дуга позвоночника. Дугерби Танаевич чуть не застонал от той страшной боли, которая внезапно и остро сжала его средце, когда он увидел мальчонку, такого беззащитного мальчонку, у которого война отняла беззаботный смех, мальчонку, у которого война отняла детство.

- Я уже узнал, - тихо сказал Вареник, - фашисты несколько дней мучили его отца и мать, местных активистов, а потом расстреляли. И все это на глазах у пацаненка. Как ему удалось бежать, ума не приложу. Бежал в лес. Из сил, видно, выбился, да и упал там, знаешь, где выжженная лесополоса. Ребята, - он кивнул на бойцов, - на руках его несли через лес, идти не мог.

- Ты правильно сделал, Григорий, что принес его, - положил Узденов руку на плечо Вареника, - и я бы так поступил. Пусть будет у нас в группе сынок. Вымыть его накормить, остричь до и приодеть из того солдатского добра, что у нас есть.

Так и остался Миша Костриченко в отряде Дугерби Узденова.

8.

Из дневника С.М. Гуменюка

«Страшную весть принесли мне сегодня друзья, вернувшиеся из очередной операции. Один из них, Игорь Ткачук, вздохнул тяжело и, пряча глаза, сказал:

- Лучше сразу узнай все, Савва. Никуда тебе от этого горя не деться.

Предатель выдал гестаповцам мою семью. Из долго мучили, били, а потом увезли в Шепетовку и расстреляли. Не пощадили ни старого, ни малого. Сыну Володе было два годика, дочке Светлане - четыре, а дочке Алле - пять лет. И поднялась рука врага на них, не дрогнула. Вместе с ними расстреляли жену Марию и отца Михаила Зотовича Гуменюка. Кажется, закаменел я от этой вести. За что? Ну, я солдат, я воюю с тобой, фашист, так встречайся со мной в бою и воюй со мной. Не я же на твою землю пришел, а ты на мою, ты ворвался в мою хату и паскудишь ее. И я, солдат земли своей защищаю свое добро. Так и иди на меня с автоматом. Чего же не моих детей идешь? Чем они тебе, несмышленишки, поперек пути стали? Болело сердце, словно кто раскаленными щипцами впился в него. Казалось, если бы заплакал, легче стало. Но не было слез, сухими были глаза.

Нет вас, родные мои, не почую я голоса вашего, не увижу вас, на руки не возьму. Не любоваться мне, как будете вы расти и в жизнь вступать, не приведете внуков мне. И с тобой, Мария, серденько мое, больше не делить нам трудовой хлеб, не радоваться весенним рассветам и тихим летним зорям. Не сидеть за столом, где стоит обед, приготовленный твоими руками, умелыми и неутомимыми. И твою старость, батько, фашист опоганил. Фашисты, фашисты, каты, людоеды! Нет той кары на

свете, которую я мог бы вам придумать, все равно будет мало. Сколько жить буду, сколько солнце буду видеть, я буду убивать вас за то горе, что принесли вы на землю людям.

Товарищи оставили меня одного. Я был благодарен им, что не лезли в душу с утешениями. Хорошие, настоящие друзья. Знают, что в таком горе человеку лучше побыть одному.

Не знаю, сколько часов прошло, не знаю... Время для меня исчезло. Подошел потом к товарищам. Дугерби Танаевич обнял за плечи:

- Какой ты стал, Савва, как будто снегом присыпанный Я не понял. Кто-то из ребят дал мне зеркало. Глянул - и не узнал себя. Черные мои волосы густым инеем отсвечивали. И это за несколько часов.

- Вот так, дорогой мой командир... Был у нас на Украине поэт Тарас Шевченко. Он написал поэму «Гайдамаки». И там есть слова, которые он адресует врагам своей земли. Я их сейчас повторю, но адресовать буду новым врагам, что сейчас сюда пришли. Поэт писал:

«Муки страшноі, шоб пекло

Тряслося та мліло». Вот такой муки и гитлеровцам!

- Такой, брат мой! - и рука командира еще крепче обняла меня за плечи».

9.

- Товарищ командир дядя Гриша, - доложил Уздену Гуменюк, - наш пост задержал мужчину и женщину. Говорят, нас искали.

- Что за чертовня? - рассердился Узден. - Неделью назад этого пацаненка Вареник притащил, сегодня какие-то на наш пост наткнулись.

- Так вышло. Шли в сторону отряда. Пост до поры до времени о себе не заявлял, а когда увидел, что путь держат эти люди к нашему лагерю, поневоле пришлось остановить их.

- Что-то многовато за последние дни посетителей. Где сейчас эти незваные гости?

- На посту. Лежат со связанными руками и завязанными глазами.

- Хм... Ничего не попишешь, давай их сюда.

Через час мужчина и женщина, с завязанными глазами и стянутыми за спиной веревками руками, стояли перед Узденовым. На женщину нельзя было смотреть без содрогания. Ввалившиеся землистого цвета щеки, лицо в синяках, сквозь рваную, грязную одежду выглядывало такое же грязное тело в кровоподтеках. Грязные, в кровоподтеках ноги были обуты в рваные не то туфли, не то галоши - не разобрать. У мужчины был совершенно иной вид. Не совсем, чистая, но целая одежда, добрая обувь, лицо хоть и заросло рыжеватой щетиной, но не брлся он видно дня три или четыре, не больше.

- Снять повязки, развязать руки!

В глазах женщины, окруженных темно-синей каймой, такая

безысходная тоска, что в них нельзя смотреть спокойно. Гуменюк глянул, крикнул и отвернулся. И мужчина, и женщина долго растирали руки там, где только сейчас были веревки - партизаны не пожалели сил, когда затягивали узлы.

- Кто вы? - спросил Узденов.

Женщина хотела что-то сказать, раскрыла рот, глотнула воздух ... И заплакала. Глухо, без слез, только в груди у нее что-то хрипело да в горле булькало.

- Жень, Жень, успокойся, - кинулся было к ней мужчина.

- Успокойтесь, - сказал Узденов, - Дайте воды женщине. Она сделала несколько судорожных глотков, и острый кадык на ее грязной шее заходил вверх и вниз, словно проталкивая эту воду. Успокоилась.

- Так расскажите, кто вы и зачем вы здесь?

- А где же нам быть? - голос у женщины хрипловатый. - Где, если крутом кровь и смерть?

И рассказала, что она местная учительница, член ВКП/б/. Преподавала историю. Эвакуироваться не успела. Местные полицаи ее выдали гестапо. Посадили в тюрьму.

- Как били, как били, - и она опять заплакала, - какие звери, какие звери.

- Зовут вас как?

- Евгения Павловна Петрушенко, - она назвала село, где работала и назвала то место, где сидела в гестапо. - Я уже не думала выбраться живой, да вот товарищ, Ганс Кохер, - и она поведала, что Ганс Кохер - фольксдойч, был надзирателем в тюрьме. И хотя его не били, хотя над ним не издевались, но он не мог терпеть нового гитлеровского порядка. Он помог ей бежать с тюрьмы и бежал с нею сам. Вот почему они здесь.

- Так, ну ладно, - задумчиво проговорил Узденов. - Ладно, - повторил он, - проводите на кухню, к тете Маше, - сказал он одному из бойцов, - пусть накормят, помыться дадут, уложат отдыхать. Потом решим, какое дело вам поручить.

Не спеша пошли на кухню.

- Что скажешь, Савва Михайлович?

- А бис иого знае, - почесал Гуменюк затылок. - Не такие уж гестаповцы дураки, чтобы из тюрьмы можно было ото так взять и втикты. Знаю я этих людоедов.

- Оно-то так. Но ведь в жизни всякие случаи бывают. Ты же видел женщину.

- Ну, бачив.

- На нее же спокойно смотреть нельзя, в чем душа держится. Измолотили, живого места нет.

- Так то так. Морду набить то еще не вбить.

- Твое недоверие мне понятно. В нашем положении мы должны семь

раз проверить, и то мало. Вот что, Савва Михайлович, тебе, как главному разведчику нашего отряда, задание. Через свою агентуру в Шепетовке и в других местах поразузнай. И об этой учительнице и ее спасителе. Если она с этих мест, должны люди ее знать.

- Есть!

10.

Говорит В. А. Нечай

«Приказ Узденова краток и точен:

- Взорвать мост!

- Есть!

Уходим ночью. Тишина кругом. Но слушай, партизан, слушай внимательно. Обманчива она, эта тишина. Через секунду свалится на тебя скороговоркой от немецкого «Шмайсера», или ухнет разрывом гранаты, и уже рожет ребята братскую могилу, и снимают шапки прощаясь. Залп давать нельзя - Услышат - покоя не даст. Идем неслышно, как умеем только мы, партизаны, ходить. Каждую тропку знаем, в самую темную ночь не заблудимся.

Вышли к мосту. Седим. Засекли время, когда сменяются часовые. Выждали. Сняли их. Быстро заложили взрывчатку. Бикфордовый шнур самый короткий, лишь бы успеть укрыться в безопасном месте. Столб огня. Грохот взрыва. Мост поминай как звали. Долго придется поворачиваться гитлеровцам, пока восстановят его. А как восстановят, мы опять наведаемся, чтобы не скучали.

Встречал нас сам командир, Дугерби Танаевич. Каждого крепко обнял и поцеловал:

- Спасибо, хлопцы!»

11.

Отряд получил приказ переменить место дислокации. Предстояло идти на земли Щепетовского и Славутского районов. Прежде чем отправиться в поход, долго «колдовали» над картой.

- Как не крути, - произнес со вздохом Узденов, - а перехода через асфальт не миновать.

- То дэ? - спросил Гуменюк.

- А вот здесь, Савва Мизайлович, - Дугерби Танаевич ткнул пальцем на карту, - между Новград-Волынским и Корцем. Так где-то километрах в восьми от Корца. Пожалуй, это наиболее безопасное место. Конечно, немецких частей, полицаев да и бендеровцев вдоль этой дороги так натыкано, что плюнь - в кого-нибудь попадешь.

- Это так.

- Вот переезд. Давайте будем вот на что рассчитывать. Враг не подумает, что мы так обнаглеем, что полезем через автостраду возле переезда,

поэтому здесь он вряд ли поставит большой заслон.

- Пидожды, - сказал Гуменюк, - ты так кажешь, вроде германцы уже и знают, что мы будем идти.

- На это надо рассчитывать, что они будут знать. У нас ведь в отряде не один, не два человека, да и обоз, да и раненные. Надо предполагать, что такое большое движение не останется не замеченным врагом, и он поставится нам приготовить встречу.

- То вирно, - согласился Савва Михайлович.

Еще раз уточнили маршрут движения, время выхода. Еще раз командиры должны проверить готовность бойцов к походу, готовность обоза и лазарета. И доложить Узденову. Тихо расходятся.

... Прошли уже добрый десяток километров. Деревья тихо роняли росу на головы партизан, ночь серела, уступая рассвету. В сероватом просвете между деревьями клубился предутренний туман, тянуло сыростью, пробиравшей до костей, хотелось вот так прилечь хотя бы у корня этого дерева и заснуть. Перед рассветом, как всегда, очень клонило ко сну. Разведка, высланная вперед, донесла:

- На пути - никого. Можно идти спокойно.

Не успели пройти и ста метров, как в упор секанули автоматы. Глубокой дробью рассыпал свою скороговорку пулемет. Закричали раненные. Кто-то отчаянно вздохнул:

- Мама..., - и замолчал. Насмерть срезало

- Ложись! - крикнул Узденов. - Отвечать на огоны!

Ощерилась партизанская братва автоматным огнем, «Дегтяревы» зату-кали. Рванули землю гранаты, разбрасывая вокруг ошметья грунта, кромсая человеческие тела.

- Шо трапылось, командир? - подполз Гуменюк.

- А то, что ... В печенку, селезенку ... Проглядели наши разведчики немецкую засаду. Видно, хорошо замаскировались! Да ладно, с разведчиками потом разберемся, да тот разберется, кто из этой свистопляски живым выйдет. Хорошо, что хоть на рассвете, а не днем это нас спасет, а то перещелкали бы фашисты.

- Оно то так ... Треба до обозу отходить, а то перебьют людей.

- И то правда.

По цепи передана команда. Медленно, огрызаясь огнем, отходят партизаны к своему обозу. Стихает стрельба.

12.

Письмо партизана Иосифа Дежурко

«Тогда был тяжелый бой. Нарвались мы на засаду фашистов, вынуждены были отойти. Замаскировались, ждем. И хотя минута ох! - и трудная, а мне почему-то вспомнилось, как нас напутствовали на боевые дела. Было это давненько уже, но помнится, будто случилось вчера.

Стоял погожий сентябрьский день. На просторной лесной поляне в четком строю замерли мы, партизаны отряда Дугерби Узденова. Мы знаем, что нам предстоит много жарких дел во вражеском тылу, под носом у фашистов. Нас предупредили, что перед уходом на боевое задание с нами будет говорить «дядя Петя» / так звали между собой партизаны командира соединения Антона Петровича Бринского/.

А вот, энергичной походкой, на середину поляны вышел невысокий, средних лет военный с орденом Ленина на груди. Он принял рапорт Дугерби Танаевича и обратился к нам с напутственным словом. Говорил об успехах нашей армии на фронтах Великой Отечественной войны, о задачах партизан и вдруг сказал:

- Среди вас я вижу много молодых, еще совсем юных людей. Окончится война и вы будете учиться. Но помните - наша борьба с гитлеровскими захватчиками — это тоже большой университет жизни, университет любви к Родине и ненависти к ее врагам.

Говорил спокойно и может быть поэтому каждое его слово падало на сердце и там оставалось. Он обращался ко всем, а мне казалось, что обращается он только ко мне одному... И мне хотелось крикнуть: «Верьте нам, молодым, мы не посраим ваших сединов». С тех пор и пошли мы на свои партизанские дела, не давали покоя врагу ни днем, ни ночью, горели не только склады, казармы, железнодорожные составы, пылала под его ногами земля Украины...

Совсем задумался, чуть команду не пропустил. Командир требует сосредоточиться. Сейчас, наверно, начнется заварушка...

13.

- Так ты считаешь, что только так нам удастся прорваться? - переспросил Узденов Гуменюка.

- Тильки так, другого ничего не придумаешь.

- Ну, что ж, как говорится, с богом. Кого возьмешь с собой в помощники?

- Корягина.

- Действуй!

- Есть!

Облюбовали Гуменюк и Корягин одну из повозок обоза. Перегрузили с нее боеприпасы и продовольствие на другой воз. А сюда приспособили добрый «подарок» гитлеровцам - взрывчатки этак килограммов без малого сто. Метра три бикфордов шнур привязали. Потом осторожно отвели повозку подальше в лес и там также осторожно вывели на асфальтную дорогу. Фура как фура, что-то нагружено на нее, тихонько себе бредут лошади по тракту, ни у кого не вызывают подозрения. Ну, а что возницы не видно, так мог и «прикорнуть» с устатку. А тем временем Гуменюк с Корягиным, сгибаясь в три погибели, идут по придорожному кювету. Их не очень-то просто заметить. Во-первых, кювет укрывает, а

во-вторых - воз-то близко в той стороне дороги, где они прячутся, тоже ведь маскировка хорошая для партизан. Гуменюк за возжи держит, тихонько дергает их, чтобы лошади не остановились, а Корягин - бикфордов шнур зажал в ладони.

Все ближе и ближе к гитлеровской засаде. Те на повозку - ноль внимания.

- Пора, - шепчет Гуменюк.

- Ясно, Савва, - это Корягин.

Быстро Гуменюк возжи закинул на повозку, тихо свистнул на лошадей, чтобы не остановились. А Корягин тем временем поджег шнур. И пошла себе повозка дальше. Но в последний момент фашисты что-то заподозрили. Рубанул почти в упор пулемет. Упали лошади, ломая дышло, разрывая построики, царапая подковами асфальт и оглашая все окрест громким ржанием. Но поздно уже было стрелять оккупантам. Воз-то рядом! Всколыхнул воздух взрыв, казалось, что даже ветер от этого прошел по лесу, нагнул деревья. Гитлеровцы в испуге - кто куда. Кричат раненые. А там, раскинув руки, лежат те, кто уже навсегда отвоевался. Паника. А партизанам только этого и надо. На плечах врага прорвались через автостраду, увезли обоз и надежно скрыли народных мстителей густые леса.

14.

Из дневника С.М. Гуменюка

«Не забывает нас «Большая Земля». Щедро обеспечивает. Помню, первую партизанскую зиму. Чего там греха таить - и голодно было, и холодно, да так порой холодно, что казалось сердце к ребрам примерзает. Знали мы, что трудно, очень трудно стране, где там ей нас всех обогреть, немец вон под Москвой стоит. Знали, терпели, в старых, ветром подбитых шинелишках солдатских да в ботинках, что порой каши просили, сухарь один на троих делили, но выстояли. Да и с боеприпасами не густо было. Но опять-таки выстояли и покоя врагу не давали. Не должен он чувствовать, что нам трудно, оттого и огневая мощь партизанская не ослабевала. Ни в коем случае! А теперь благодать! Самолеты у нас с «Большой Земли» частые гости. Раненых увозят. Харчи нам доставляют, боеприпасы. К зиме также полушубки и валенки такие припасла нам родная земля, что душа радуется. Нет, помнит о своих сынах Родина, не зря ее народ называл матерью».

15.

Прошло недели две, как Миша в отряде. Стал согреваться возле человеческого тепла, повеселел намного. Да и бойцы в нем души не чаяли. Ведь у многих из них остались дома дети. И нерастратенную теплоту родительских сердец отдавали мальчонке. За нехитрым солдатским сто-

лом - ему лучший кусочек, спать положить - обязательно, чтобы теплее да помягче. С каждым днем Миша все сильнее и сильнее убеждался в том, что люди в отряде выполняют большие дела. Правда, ему об этом никто не говорил, но он и сам догадывался. Ежедневно уходили бойцы на задание, потом возвращались измученные, усталые, коротко бросали командиром:

- Приказ выполнен!

Это означало, что опять предъявлен солидный счет врагу. В этом счете, конечно, есть местечко для мести за его отца и его мать. Но теперь и он не может сидеть, сложа руки. Он тоже будет помогать увеличивать счет мести врагу. С этими словами он и пришел к Дугерби Танаевичу.

- Спасибо, Миша, - тот обнял его за плечи, - твоя помощь нам очень нужна. Но еще не подошло твое время

Бежали дни. Не раз напоминал о себе Костриченко.

- Погоди, еще не время, - отвечал Узденов.

А когда же оно придет, это время? - недоумевал мальчишка. Откуда ему было знать, что старшие просто берегли его, оттого и не брали на боевые дела, где все могло случиться. Но однажды, как не прикидывал Узденов, без помощи Миши не обойтись. Взрослые люди, да еще не местные, если появятся возле крупного железнодорожного узла, да пробудут там день, сразу могут навлечь подозрение гитлеровцев, а они в этом случае не церемонятся.

- Пришел твой час, Миша, - сказал Дугерби Танаевич, - пойдем потолкуем. Ты «Как закалялась сталь» читал?

- Читал.

- Павку Корчагина помнишь?

- Еще бы! - загорелись глаза мальчонки.

- Тогда и то должен помнить, какие дела творил Павка и его друзья на станции Шепетовка?

- Помню.

- Так вот, не подведи Корчагина.

- Как? - не понял Миша.

- Твое первое задание связано со станцией Шепетовка. Пойдешь туда. Слушай внимательно, - и Дугерби Танаевич стал рассказывать.

16.

Говорит В.А. Нечай

«Сегодня подвели первый итог» работы нашей группы. Ничего сделано, кое-что есть. Это «кое-что» - под откосом 18 воинских эшелонов, в воздухе - два моста и одна нефтебаза. Но счет не закрыт... В Сталинграде добре дали прикурить фрицам. А это наш салют сталинградцам».

Из дневника С.М. Гуменюка

Дорогой ценой оплачиваем мы схватки с врагом. Теряем боевых друзей. Уходя с очередной диверсии, наткнулись на фашистов. Завязалась перестрелка. Автоматная очередь пересекла Филиппу Николаевичу Гуменюку, которого мы все любовно звали «Филька-матрос» за то, что он не расставался с флотской тельняшкой. Прощай, боевой друг, твой счет врагу мы продолжим, пока живы будем. Погибнем мы, продолжат те, кто придет на наше место, но покоя врагу не будет до самого его смертного часа. Предатели выдали гестаповцам трех братьев Василия Нечая, которые поддерживали связь с нами. Фашисты всех троих - Сергея, Владимира и Константина расстреляли. Был у нас в отряде паренек, звали его Ян. Храбрый, ловкий, настоящий партизан. После одной их схваток с врагом не досчитались мы Яна... Росли холмики братских могил, росла ненависть в наших сердцах к оккупантам, но не было на свете той силы, что могла бы испепелить эту ненависть. И не испепелится она до тех пор, пока хоть один фашист будет ходить по нашей земле».

- Товарищ командир, как-то обратился к Узденову один из бойцов, - что же это получается? Говорили, что к нам в отряд учительница пришла.

- Ну и что?

- А я вот не успел доучиться, со второго курса педтехникума ушел воевать. Историком собирался быть. Ну, а теперь как выпадет свободная минута, так я кое-какие книжки по истории, что захватил с собой, прочитываю. Не хочется забывать.

- Правильно делаешь. Воевать кончим, учителя во как нужны будут.

- И я ж об этом.

- Но причем здесь та учительница?

- А вот при чем. Я к ней как-то за консультацией обратился. Говорю, мол, понять не могу подробности войны России с Фридрихом Барборосой... Был такой прусак.

- Знаю, знаю ...

- Она что-то мне стала путать, какие-то его заслуги перечислять, а потом покраснела, махнула рукой и говорит: «Отцепись, мне некогда!» Никогда я таких учителей не встречал.

- Ну, ты не очень обращай на это внимание. Понимаешь, она столько пережила в гестапо, что ей теперь, пожалуй, не до истории. Дай человеку прийти в себя.

- Может оно и так, - сдвинул плечами боец, - только уж очень это ...

- Ничего, ничего, - перебил его Узденов, - потом все наладится. Та-

кой, казалось бы, пустяшный на первый взгляд случай заставил задуматься Дугерби Танаевича. Он хотя и успокаивал бойца, но только для того, чтобы тот не понес свое негодование дальше, а сам с тревогой думал: «А в самом деле, разве могла бы так поступить настоящая наша учительница? Вряд-ли.» Все эти дни, пока Гуменюк через свою агентуру уточнял данные о незваных гостях, Узденов внимательно присматривался к Евгении Павловне и Гансу. Кроме того, двум партизанам было приказано глаз не спускать с пришельцев, но следить так, чтобы они не заметили, а в случае чего - действовать самым решительным образом. Ничего особенного замечено не было. Ну, что не очень-то общительные люди, что сделаешь? Та из тюрьмы чудом вырвалась, можно сказать из петли выскочила, а тот, как не считай, немец, надо время ему, чтобы привыкнуть. Это с одной стороны. А с другой - вот этот случай с бойцом. И потом, советский человек, вырвавшийся из лап фашистов и вернувшийся к своим, как-то должен не так реагировать на всю эту обстановку, как Евгения Павловна, больше радости, больше души должно быть. Нет, много непонятного, голова раскалывается у Дугерби Танаевича от дум...

Три дня назад Гуменюк ушел на связь со своей агентурой. Пришел сердитый, надутый, как сыч.

- Ничего не узнал, - коротко бросил, - через три дня еще пиду.

- Пошел через три дня. Ушел ночью, а в обед не то что пришел, а прибежал. И прямо к Уздену.

- Допросить, как можно тщательнее. Я сейчас приду и тоже буду участвовать в допросе, - сказал Узденов, а сам направился к рации. - А ну, Женя, - сказал радистке, - соедини меня со штабом, есть важная новость.

Надо было передать, что пойманы шпионы, чтобы и в других отрядах проверили - не забрались ли туда такие гости.

19.

Шепетовка - крупный железнодорожный узел. Через него гитлеровцы направляли в сторону фронта воинские эшелоны. Нашему командованию нужны сведения - сколько и каких составов в день движется на передовую. Это и предстояло уточнить Мише, а для этого почти сутки надо провести «в гостях» у Шепетовки. И он ушел на выполнение своего первого задания...

... Целый день в группе только и разговоров, что о Мише. Не пришел еще? Что-то долго нет... Не стряслось - ли чего? Им ли, этим бойцам, не знать, чего стоит иногда даже один поход в «хозяйство» противника!

Наконец мальчишка появился. Измученный, усталый, но грязная рожица его так и сияла. Все было ясно без слов - задание выполнено. Еще уходя на задание, Миша получил от Узденува подробную инструкцию, как действовать. Если просто запоминать, можно и забыть точ-

ность того, что видел. Записывать же ничего нельзя. Если попадешь в руки врага, это явная улика, от которой прямой путь к смерти. Надо сделать так - в один карман, насыпать подсолнечных и тыквенных семечек. Прошел эшелон с танками - одно тыквенное семечко перекачевывается в другой карман. Прошел эшелон с пехотой - в кармане оказывается семечко подсолнечника. Если эшелон с артиллерией - половина тыквенного семечка «меняет» свое место пребывания. Сколько эшелонов, столько семечек.

Так Миша и сделал. И сейчас, высыпая перед Узденовым на грубо сколоченный из горбылей стол тыквенные и подсолнечные семечки, он сказал:

- Вот сколько прошло танковых, артиллерийских и пехотных эшелонов за сутки через Щепетовку к фронту.

Ночью эти сведения уже были в Москве...

С этого момента и начались боевые дела Михаила Костриченко. Он ходил в разведку, добывал сведения прямо из-под носа врага. Гитлеровцы не обращали внимания на оборванного, грязного мальчишку. Разве мало их тогда таких бродило по земле, разоренной фашистами. А потом, когда группа, совместно с другими, начала в тылу врага активную рельсовую войну, Миша часто ходил на операции, особенно с отрядом Григория Вареника. Этот отряд пустил под откос 17 эшелонов, и в большинстве этих диверсий принимал участие Михаил Костриченко. Он заметно окреп, возмужал и даже не верилось, что сравнительно недавно его измученного, обессиленного принесли в группу бойцы Григория Вареника.

20.

Из дневника С.М. Гуменюка

- Хана чуть нам не была! - одним духом выпалил.

- Что такое?

- Да я шел к своим, а они уже меня ждали. Сюда вертався, то биг так, шо и парубком так не бигав.

- Да не тyani ты за душу!

- Добре, докладую по порядку.

Агентура установила, что действительно была такая учительница - Евгения Павловна Петрушенко. Большевичка. Почти год назад фашисты ее взяли и «тихонько ликвидировали» в своих застенках. «Тихонько» потому, что им нужно было ее имя. Вот теперь они им и воспользовались. А эти, что у нас, агенты гестапо. У нее кличка «21», у него «17». Задание - узнать когда и куда уходят диверсионные группы и передавать своим хозяевам. По возможности, навести на отряд карателей. Узденков слушал все это и чувствовал, как холодный пот выступает на лбу и мурашки ползут по телу.

- Что они успели передать?

- Пока ничего. Хлопцы з них очей не спускают.

- Так. Давай сюда двух-трех крепких ребят, скажи им в чем дело, а потом приглашай «гостей».

- Слухаю.

Они зашли в землянку командира спокойно. Не раз он приглашал их сюда на беседу и раньше, ничего особенного в этом не было. И то, что в землянке были Гуменюк и три партизана, тоже не удивило. У командира всегда кто-нибудь находился. Узденов решил брать, как говорить, быка за рога:

- Здравствуйте, семнадцатый и двадцать первый!

Лицо женщины посерело, она окаменела, а Ганс бросился было к двери, но споткнувшись о ногу, поставленную Гуменюком, растянулся на земле. В одно мгновение руки были скручены.

- Гадюка! - Хрипел Савва Михайлович.

- Вы меня с кем-то путаете, - стала говорить женщина.

- Путаете? - сапнул Гуменюк. - Ах, ты...

- Учительницу Петрушенко гестапо повесило год тому назад, а вы присвоили ее имя, пробрались к нам, уверенные, что мы ничего не узнаем, что вы агент гестапо и кличка у вас двадцать первый! - отчеканивая каждое слово, произнес Узденов.

- О, доннер вэтэр! - ругалась женщина и схватилась за воротник. Но Узденов ее опередил на какую-то долю секунды. Он рванул материю. В его руках оказался лоскут.

- Так и есть, ампула с цианистым калием. Дешево же вас оценили ваши хозяева. У вашего напарника тоже есть такой подарок?

- Ищите, если надо вам.

- Поищем.

Ампулы у Ганса не оказалось. То ли ему не дали, то ли он потерял ее. А может и сам выбросил. Но это уже никого не интересовало.

«Нашу группу послали в район Щепетовки. В группе, кроме меня, еще Николай Иванович Коряги и другие бойцы. Приказ - на восток ни один немецкий эшелон не должен пройти. Ясней ясного! Не должен пройти - и точка!»

Вышли в заданное место. Заложили «гостинец». Ждем. Ага вот он, долгожданный. Царство тебе небесное! А про себя шепчу: «За вас, дети, за тебя, Мария, за тебя, отец, за всех, наивно погибших и обездоленных, за землю нашу». Паровоз, двадцать четыре платформы, три танка, двадцать одна автомашина под откосом. Гитлеровцев тоже немало. На пятидесяти метрах от железнодорожного пути осталась каша. Линия связи тоже разрушена».

«За последние дни нашей группой пущено под откос четыре эшелона. Танки, автомашины, орудия, что везли они к фронту превратилось в груды металлического хлама. Многие фашисты нашли здесь себе моги-

лу. Немцы теперь усиленно охраняют дорогу, впереди составов дрезины пускают. Но и мы не лыком шиты. По своей земле пройдем, никакой вражеский патруль не заметит. А мины кладем такие, что они от тяжести дрезины не взрываются. Как не «мудрите», гитлеровские выродки, все равно вам амба».

* * *

«Наша группа вблизи станицы Кривина, где-то в 4-5 километрах от нее. Вышли к железной дороге. Заминировали. Ждем. Вот вытянулась на железной дороге желтая, огромная металлическая гусеница. Идут цистерны с бензином, спешат на восток. Не спешите, нечего вам там делать. Взрыв - и море огня по дороге. Такого пламени мне не приходилось никогда видеть ни до этого, ни после. Пылал бензин, скручивался в пламени металл, накалялся до того, что просвечивался насквозь. На три дня вывели дорогу из строя. Наши им под Курском и Орлом фейерверк устроили, а мы тут огонька добавляем. Вот так тебя, враг, принимает земля Украины».

* * *

«Из села Самаки наш связной сообщил: завелся в селе предатель, уже под гитлеровскую петлю подвел не одного хорошего человека, ни одну семью осиротил, а некоторые семьи под корень вывел.

- Что скажешь, Савва? - Узденов пристально смотрит на меня.

- Не жить ему!

- Правильно. Сколько человек тебе надо?

- Человек пять, шесть.

- Зачем так много?

- Засаду надо оставить. Если одна группа «погорит», другая за нее доделает. Но отпускать такого гада нельзя. Пусть наши люди убедятся, что здесь Советская власть, а не власть оккупантов, и пусть дрожат у себя на печи предатели.

- Действуй. Сколько дней нужно?

- Сутки хватит.

- Счастливо, - и обнял на прощанье крепко. Да и то сказать, не на прогулку идем, а на «свидание» со смертью, вдруг ей что-либо на ум взбредет, и она возьмет, да и не отпустит нас? На войне, как на войне...

... Через сутки вернулись. Хотел было доложить Дутерби Танаевичу о выполнении приказа, но он, видно по моему лицу все понял.

- Не надо. Ребятам прикажи отдыхать, а ты садись, Савва, показал место рядом, - давай покурим да помолчим».

21.

Много лет пролетело с той поры. Живет ныне Дутерби Танаевич Узденов в г. Карачаевске, где я и познакомился с ним.

- С Михаилом Васильевичем Костриченко, - говорит Узденов, - мы

расстались тогда, когда началось освобождение Украины от гитлеровцев и наши Советские войска подошли к тем местам, где стояли наши группы. А нашел он меня в Карачаевске почти через двадцать пять лет. Вспомнили те огненные дни, боевых побратимов, Ровенские леса...

Ровенские леса... Вошли мы навсегда в жизнь карачаевца Дугерби Узденова, который начал Великую Отечественную войну с первых ее дней, и закончил в Праге, в соединении генерала Плиева. Здесь, в Ровенских лесах, он с боевыми побратимами вел борьбу в тылу врага, здесь он познакомился, в знаменитом отряде Медведева с легендарным Николаем Кузнецовым.

Не зря ведь в свое время товарищи прислали с Украины на берега Теберды такое приглашение: «Уважаемый товарищ Узденов Дугерби Танаевич! Исполком Ровенского городского Совета депутатов трудящихся приглашает Вас принять участие в торжественном открытии памяти Герою Советского Союза партизану Кузнецову Николаю Ивановичу». Разве это не символично, что украинцы воздвигают памятник сыну русского народа, отдавшему жизнь за их свободу, и приглашает на это торжество горца!

И он поехал в Ровно, встретился с боевыми друзьями, побывал в таких родных для него Ровенских лесах. Тихо шумят леса... Ровенские леса... Ветер нежной рукой касается листьев, чуть-чуть колышет ветви, пробегая от дерева к дереву, а потом вдруг затихает, словно прислушивается к зеленому говору. А через мгновение опять трогает лист. Дугерби Танаевич, не спеша, идет еле приметной лесной тропкой. Ветер ласкает его серебристые волосы, осторожно перебирает каждый волосок, забирается за расстегнутый ворот, холодит тело... Ветер, ветер. Ветер Ровенских лесов. Как со старым, давним, хорошим знакомым встретился с тобой Узденов. Ты, ветер, в те огненные годы войны провожал здешних партизан на боевые дела, встречал их когда они возвращались, опаленные боем, раздувал пламя ночных костров, чтобы теплее было людям, ты замирал над могилами погибших бойцов, словно отдавал последние почести сынам земли, заслонившим своим сердцем ее свободу. Ты тогда пропах порохом, гарью, дымом пожарниц и кровью, но весной ты всегда приносил терпкий запах клейких березовых листьев, молодой хвои и лесных цветов, словно напоминая, что жизнь прекрасная штука и драться за нее стоит. Вот по этим тропинкам Ровенского леса ходил к врагу «в гости» Дугерби Узденов, ходил вместе со своими побратимами русским В. Малайным, украинцами С.М. Гуменюком, Е. Нечаем, г. Вареником... Здесь получал приказы от своего командира А Бринского. Здесь встречал, вместе с друзьями, самолеты с «Большой Земли», отсюда отправлял их на «Большую Землю». И казалось сейчас Дугербию Танаевичу, что то не ветер шумит листвою деревьев, а рассказывает ему Ровенский лес одну из страничек тех далеких, но никогда незабываемых боевых будней.

Неумолимо катится время. Но не стареет дружба боевых побратимов. Вот и Михаил Костриченко, который живет на Украине, нашел Дугерби Танаевича Узденова в предгорьях Кавказа. Григорий Яковлевич Вареник, тот самый Вареник, бойцы которого принесли Мишу в отряд, председатель колхоза в Шосткинском районе на Сумщине. В свое время они встретились с Дугерби Танаевичем в Ленинграде, на свадьбе дочери Узденова.

А это письмо прилетело из г. Славуты, что в Хмельницкой области на Украине. Оно от боевого разведчика Саввы Михайловича Гуменюка. «Здравствуйте, дорогой командир партизанского отряда, капитан Дугерби Танаевич Узденов! Желаю Вам крепкого здоровья, счастья, радости, успехов в труде, того же желаю Вашей семье. Недавно приезжал из Киева Герой Советского Союза Антон Захарович Одуха, что воевал вместе с нами. Встретились, обнялись, поцеловались. Вспомнили дни боевые. «Савва, - говорит он мне, - а ты бы написал книгу о том времени, о ребятах». А что вы думаете, и напишу, просто не имею права не написать, не рассказать теперешней молодежи про наши дела. Красные следопыты пионерского отряда одной из школ г. Славуты заинтересовались делами нашего отряда, создают музей. Они уже списались с Вами, Дугерби Танаевич, с Бринским и другими товарищами. Но им надо помочь. Если вы знаете адреса Лукмана Цамокаева, Николая Корягина, Игоря Ткачука, того самого, киевского, то пришлите мне. Боевые друзья по оружию, я считаю вас всех, как родных братьев. В те жаркие годы у нас была единая, крепкая семья, поэтому мы и били врага. Не нарушена эта дружба и сейчас, ибо никогда не забудутся бои, не забудутся наши лесные лагеря под Щепетовкой, Новград-Волынским и в других местах Ровенщины. Всегда Ваш Савва Гуменюк».

В городе Горьком жил после войны командир их соединения Герой Советского Союза А. Бринский. Там, в свое время, вышла его книга - «Боевые спутники мои». О партизанах Великой Отечественной войны. Одну из книг автор прислал Д. Уздену и написал на титульном листе: «Боевому другу, разведчику Дугерби Танаевичу Уздену! Пусть наша дружба будет вечно жива и светла!» Именно так - вечно жива и светла!

Долго шла эта награда к Дугерби Танаевичу. Видно тернистый путь был у нее. Но все-таки дошла. Уже в наши дни ему вручили Золотую Звезду Героя России. Такую высокую награду Узденов первым получил в Карачаево-Черкесии.

Бурка джигита

Тот сентябрьский рассвет сорок первого года Хусей Хаджи-Умарович Абубаев встретил под Полтавой. Сюда, к этому украинскому городу, забросила военная судьба сына Кавказа. Завернувшись в бурку, он медленно шел среди спавших прямо на земле бойцов, осторожно переступил

через их ноги, широко разбросанные руки. Подумалось: «До чего ж уютная бурка. Спасибо Зарият, что тогда привезла ее. Накинешь на плечи - и вроде домашним теплом на тебя пахнуло, а вдохнешь ее запах - и вроде родного горного воздуха глотнул». Остановился, поправил шинель одного из кавалеристов - пола ее сползла с тела бойца, тому было зябко, он весь как-то сжался, но устал настолько, что и от утреннего сентябрьского холода проснуться не мог. Укрыл бойца, глянул в лицо уставшее, с втянутыми щеками, давно не бритое... Вздохнул... Что скажешь? Какой уж день из боев не выходим, висят гитлеровцы на плечах, никак не страхнем. Не спеша, пошел дальше. А мысли опять к бойцам вернулись. Устали они, ох, как устали...

Не успели объявить отдых - где кто стоял, так и упал на землю, будто силы от нее хотели набраться. Может, и так, кому, как на землю родной, которую они защищают, силу дать своим сынам.

А он не спал. Не потому, что хотел, нет, веки казались свинцовыми, но нельзя спать ему. Он бодрствует, значит, и часовым легче стоять, он держится, значит, и с бойцов спросить можно. Ибо если командиру под силу выстоять, то и его подчиненному не к лицу падать духом. Уже когда начало сереть, когда неумогу было перебороть сон. Пошел к ручью, разделся до пояса и долго, долго мылся ледяной водой, пока не заломило в затылке. Вроде стало немного легче.

Идет медленно, окидывает пристальным взором каждого. И почти на каждом повязка, почти каждого задела вражеские пули и осколки. Тяжелораненые - те давно в тыл отправлены, а эти - отказались.

«Пока ходить можем и винтовку держать можем, в строю останемся!» - заявили они, и заявили так твердо, что понял Абаев - переубеждать бесполезно. И теплое чувство благодарности наполнило его сердце - не ошибся он в этих людях, не зря прошел с ними не одну сотню огненных верст, верят они ему и готовы с ним выдержать любые - испытания, а что может быть для командира дороже этого! На повязках - ржавые пятна крови, бинты серые от пыли и порохового дыма, лица усталые, стоптанные сапоги, гимнастерки задубели от соленного солдатского пота и сделались плотные, будто брезентовые, да дыр и на них и на шинелях порядком. Но разве дело в том, какое обмундирование на этих людях сейчас, дело в другом - в этом обмундировании люди, которым цены нет. В огне боев они выплавились в такой сплав, что никаким гитлерам не сломить его. Вот лежит пулеметчик, одной рукой накрыл свой «ДеГтар», а второй, далеко отброшенной, обнял родную землю и сердцем своим от врага заслонил. И нет для него ничего дороже этой земли. Рядом - автоматчик. Полой шинели «ПТШ» укутал, а ухом к земле приник, будто слушает ее материнский наказ, да так внимательно слушает - слово пропустить боится. Возле него лежит на спине, широко разбросав руки - в одной из них зажата винтовка («Даже во сне не выпускает оружие», -

удовлетворенно улыбнулся Абаев), голова закинута, и русые кудри, что кольцами свились, прямо по земле рассыпались. Хусей подумал, что так, наверное, отдыхали после боя русские богатыри, не только в бою а и в минуту отдыха землю отцов и дедов от врагов своим телом заслоняя.

Полтава... Украинский город... Берега Ворсклы... Думал ли когда-либо, Хусей, что придется сюда прийти с берегов Кубани и Теберды, прийти на эти равнины от подножья белоснежного Эльбруса, чтобы защищать эти края от пришельца? И тут другая мысль перебила. А почему бы и не прийти, если требуется? И берега Теберды, и берега Ворсклы - наши берега, берега нашей страны, кому же их защищать, если нам? Ведь в те грозные дни, когда Ленин поднял людей на борьбу за свободу ми счастье, пришли, Хусей, в твои горы парни с русских равнин и помогли тебе и таким, как ты, стать настоящими хозяевами в этих горах. И как не течь вспять Теберде и Ворскле, так не вернуть ни на эти равнины, ни в те горы темной ночи прошлого. Какой сильный враг не пришел на нашу землю, ударим мы его крепким кулаком братьев, хотя у этих братьев и разные матери, но есть у них и единая мать, имя которой родная земля.

Такие вот думы родились в голове командира полка в тот сентябрьский рассвет, пока он обходил спящих бойцов. Но опять его мысли переметнулись к местам его детства, к местам его юности к Теберде, к Кубани... Но хотя и вспоминалось это, ни на мгновение не забыл Хусей одного - как только рассветет, фашисты пойдут в очередную атаку. Он любой ценой хотят прорваться в этом направлении к Полтаве, любой ценой... И уже считанные минуты остались до начала схватки.

* * *

Мы расстаемся пока с Абаевым и его боевыми товарищами, расстаемся с тем событием, которое происходило под Полтавой десятки лет назад, сентябрьским рассветом, накануне очередной гитлеровской атаки. Заглянем в места, где родился, рос, мужал Хусей. Тем, кто знал его, немало нынче лет, а сверстников многих даже не досчитать. Что делаешь, время неумолимо катится вперед. Подросло уже новое поколение, которое о Великой Отечественной войне знает только из рассказов старших, по книгам да кинофильмам. И хорошо это! Пусть не переживут они тех страшных годин, что пережили их отцы и деды. Но чтобы они знали настоящую цену хлебу, лежащему у них на столе, знать и помнить они должны тех, кто за этот хлеб заплатил самую дорогую цену - свою жизнь. Мне приходилось со многими товарищами беседовать о Хусее Абаеве, и я слышал одни лишь добрые слова.

- Мне тогда было еще не много лет, - говорил подполковник запаса М.О. Акбаев.

- Тогда я учился в педучилище, - рассказывал персональный пенсионер А.Д. Баучиев, - и к нам часто приходил Акбаев, он преподавал у нас

военную подготовку. Когда я закончил училище и уже работал в школе, потом в облоно, мне часто приходилось с ним сталкиваться и решать различные служебные дела, так как он был работником облвоенкомата. И у меня от каждой встречи оставалось самое хорошее впечатление.

Но очень лаконичную и очень, на мой взгляд, полную характеристику дал Абаеву персональный пенсионер И.К. Темиров.

- В те годы, - рассказывал Ибрагим Калмукович, - я был первым секретарем обкома партии, а в последствии - председателем облисполкома. В 1937 году меня избрали депутатом Верховного Совета СССР. Очень хорошо знаю Хусея, работал он у нас в облвоенкомате. Это был очень достойный человек.

Лучше, пожалуй, и не скажешь - очень достойный человек... А когда Хусею шел пятнадцатый год...

- Наше время идет, сынок, - говорил ему отец, старый Хаджи - Умар Калтурхаджиевич - светлое время, сынок. Русский народ нам крепкую руку протягивает, опереться нам надо на эту руку да приводить в надлежащий порядок свой дом.

И Хусей воочию убеждался не то что с каждым месяцем, а с каждым днем все светлее становится в том доме. Распрямили спину бедняки, скинули с этой спины тех, кто веками сидел на ней да сладкий кусок, добытый чужим потом, в три горла жрал. Правда мотались еще по лесам и по горам банды под предводительством тех, кто не хотел уступить своего господства, еще нет-нет, да и пылали в темной ночи дома бедняков, раздались выстрелы и падали от бандитских пуль те. Кто поднял высоко знамя новой жизни.

- Чего им надо, отец? Зачем они людей убивают, дома жгут?

- Волк, сынок, волком и останется.

- Но там же не все богатые...

- Правильно. Есть среди них и обманутые богатеями бедняки. Но что сказать о таких? Не тот слепой, кто слеп, а тот, кто не хочет видеть. Ничего, сынок, очень скоро они, эти обманутые, поймут, где, правда.

Мог ли подумать Хусей, что пройдет, не так уж много времени и он сам, на быстром коне, с оружием в руках, будет выкуривать такие банды. И не только с оружием будет идти к ним, но будет идти и с добрым словом к тем, обманутым, о которых отец говорил, что они поймут, где правда. И то будет, хоть и в недалеком, но будущем, а сегодня новая жизнь в горах упрямо тянулась к солнцу. И как мартовский, хоть им злой, метели не остановить наступающий праздник весны, так бессильны бандитские укусы что-либо изменить.

В аулах открылись школы и больницы, люди жадно тянулись к мудрости книг, объединялись вместе, чтобы лучше землю обрабатывать и лучше скот пасти. Наступил час, и в ауле Кызыл-Кала, где в те годы жила семья Абаевых, начали создавать колхоз и имя ему присвоили

героя гражданской войны Ворошилова. И участие в создании этого колхоза принимал и отец Хусей.

- Будем вместе, сынок, - часто говорил он ему, - никакая сила нас не возьмет. Видишь, какое счастье пришло в наш дом, большое счастье. Но за такое большое счастье всегда надо быть готовым постоять, сынок, и даже, если надо, жизни своей не жалеть. Трудно оно приходит. Счастье, но легко его упустить, запомни, сынок.

И он крепко запомнил то, что говорил старый отец. И когда он говорил с сыном, неторопливо, обдумывая каждое слово, то были это такие слова, что Хусей себя часто на мысли — их хочется взять и положить в карман, чтобы они всегда были рядом и чтобы их сила вливалась в его сердце. Он был мудр, Хаджи-Умар Калтурхаджиевич, слова его были настроены на той мудрости жизни, что только с годами приходит. Дожил он до 113 лет и не переставал радоваться тем чудесным переменам, которые происходили в горах. Когда хозяином судьбы стал простой человек, человек труда.

Слова отца о том, чтобы свое счастье надо уметь защищать, необходимо стать настоящим воином. А для этого, сколько много нужно знать! Это прекрасно понимал паренек. У него был свой кумир, на которого ему хотелось подражать, - Семен Михайлович Буденный. Он даже портрет его раздобыл, хотя в те времена, да еще если вспомнить, что жили Абаявы в дальнем горском ауле, было очень не легко. Может, развитию этой любви помогло то, что, и сам Хаджи-Умар Алтурхаджиевич немало добрых слов говорил своим о Буденном.

- Он из такой же бедной семьи, как и наша. Но когда Ленин поднял народ на борьбу, он, по призыву Ленина, собрал таких же храбрых бойцов, как и сам, и пошел на богачей, пошел добывать свободу рабочим людям. И даже не нашей землю воевал он, сынок и за то, что пришел счастье в наш дом, ему тоже сердечное спасибо.

И когда в середине двадцатых годов в горы Карачая прибыла специальная комиссия, что бы подобрать и закупить лошадей для Буденовских коников, Хаджи-Умар Калтурхаджиевич привел к ним двухгодовалого жеребенка.

- Посмотри, пожалуйста, - обратился он к председателю комиссии. Тот со всех сторон обошел жеребенка, что испуганно косил на него синеватым выпуклым глазом да перебирал высокими, стройными ногами, «одетыми» в белые чулки. Еще не окреп он, еще расти ему и силу нагуливать, но уже сейчас угадывалось, что станет он чудесным конем, который по седоком устали знать не будет и которого ветер не догонит.

- До чего красивая лошадь, - улыбнулся представитель комиссии. Старик Абаяев тоже улыбнулся, довольный. Стоящий рядом Хусей даже хотел что-то сказать, но не принято безусому юнцу голос подавать там, где старшие беседуют. Если спросят - ответь, а так - помолчи, молчаще-

му муха в рот не залетит. А хотелось ему сказать: «Возьмите этого коня, передайте товарищу Буденному». Отец словно отгадал его мысли. Он протянул повод представителю комиссии.

-На!

- Что - «на» - не понял тот.

- Нравиться конь — бери.

Что значит - «бери»? Назначайте цену. Такой конь мало не стоит. - Зачем обижаешь? Зачем деньги предлагаешь? Бери коня. Только одно прошу - скажи товарищу Буденному, что это мой, старого горца, ему подарок. Возьми пожалуйста.

- Спасибо.

Сердцу Хусея, казалось, не хватит места в груди от радости. Наш конь! Прямо Буденному! Здорово! Не удивляйтесь его восторгом. Вспомните, мальчишки двадцатых годов, кто из вас не хотел быть похожим на Буденного! Это сейчас дети играют в космонавтов, хотят быть такими, как Юрий Гагарин, а тогда все мальчишки «играли в Буденного», все хотели быть такими, как Семен Михайлович. Не был исключением и Хусей. И то, что отец подарил коня любому им человеку, еще больше укрепило в парнишке желание стать красным командиром, как Буденный.

Своей заветной думкой он ни с кем не делился. Боялся даже отцу проговориться. Подумать только - сын бедного горца - и вдруг командир. Он помнил прекрасно то время, когда право командовать людьми было привилегий богатеев, это они красовались в блестящей офицерской форме. Но то было иное время. А ведь сейчас, как говорит отец, счастье пришло в наш дом, и это счастье надо защищать. Но чтобы защищать, надо уметь защищать.

Хусей уже разузнал, тайком от родных, конечно, разузнал у представителей той комиссии, что лошадей отбирала для конников Буденного, где есть школа, в которой учатся на красных командиров, как туда попасть. И... Однажды вечером, когда семья собралась ужинать, не досчитались Хусея.

- Где это он? - спросил отец

- Загулялся с товарищами, наверное, - спокойно ответила мать.

- Не порядок, - сердито проговорил отец, -вся семья на ужин собралась, а его нет.

Ждать все, что ли, будем? Позвоните.

Но напрасно искали Хусея. В ауле его не нашли. Тревога поселилась в доме Абаевых. Уже стали подумывать не украли ли его бандиты в отместку за то, что отец активно участвует в строительстве новой жизни. Эта тревога усилилась на второй день. Хусея не было. Прошла неделя, вторая. Горю, казалось, не вместиться ни в доме, ни в сердцах людей. У матери глаза не просыхали от слез, отец ходил чернее тучи, и седина гуще прострочила его бороду.

Но в одну минуту развеялось это горе, когда в дом принесли весточку от Хусея. Он просил простить его за то, что без решения ушел, боялся, что не отпустят. Теперь о нем не надо беспокоиться. Он принят в кавалерийскую школу в городе Краснодаре и будет учиться на красного командира.

Годы учений полетели быстро. Семья Абаевых уже переехала жить в аул Учкулан. Однажды их сосед, Магомет Кагиев, ездивший в город по своим делам, остановил повозку возле дома Абаевых.

- Гостей принимайте, барашку режьте, сохту готовьте.

- Чего кричишь так громко? - вышел Хаджи-Умар Калтурхаджиевич. - Чем кричать, лучше в дом зайди... - и замолчал на полусловье. У повозки стоял высокий, стройный парень, в ладно подогнанной форме командире Красной Армии, стоял и смущенно улыбался. - Хусей, сынок, - чуть слышно проговорил старый отец. И слезы часто-часто закапали на седую бороду.

... После короткого отдыха дома. Хусей отправился к месту службы в город Ессентуки. По нраву пришлось товарищам новым командирам. Веселый. Общительный. Это о таких, как он, сказано: «Душа паернь». А уж военном деле сравняться с ним было трудно. Говорил о нем сослуживцы:

- Стреляет так, что в глаз мухе попасть может. На коня взлетает, будто птица, и с конем - одно целое. А пашкой как орудует! Она у него в руках - что молния, так и сверкает. Лозу рубить - нет ему равных.

- Вскоре Абаева переводят к нам, в карачаевскую автономную область, - вспоминает Ибрагим Калмукович Темиров. - В те годы еще нетнет, да и показывали коготки остатки недобитых банд, что прятались в горах, то в лесах. Один из отрядов по борьбе с таким отребьем возглавил Хусей. Помню, в районе Джеганса, в той местности, что называлась войсковой лес, прятались бандиты. Хусей повел туда своих бойцов. Размели отребье, следов не оставили. Ранили в этом бою Хусея, правда легко, пуля чуть задела ногу. Он даже и в больницу не ложился, так на коне и перенес. Потом в лесах Архыза он со своим отрядом давал, как говорится, прикуривать бандитам. Пока не отчистили лес, не вернулись домой. В одной из схваток чуть не попал в руки им. Его не удовлетворили результаты разведки, и он решил сам проверить обстановку. Ну, и наткнулся на группу бандитов. Выручил крепкий конь, унес его. Стреляли в след, шинель во многих местах продырявили, руку пробили, но все-таки ушел Хусей. Добытые им сведения помогли успешно выполнить операцию.

Воинские дела Хусея были достойно отмечены. Его наградили именным оружием. На пластинке, прикрепленной к нагану, было выгравировано:

«За боевые заслуги Абаеву Х.Х.» Потом еще награда - Грамота. Вот

она, лежит передо мной, пожелтевшая от времени. Читаю: «Тов. Абаев Хусей. Исполнительный комитет Советов Рабоче-крестьянских и Красноармейских депутатов Карачаевской автономной области, отмечая Ваши революционно-боевые заслуги перед трудящимися Советского Карачая, а также личную беззаветную храбрость, проявленную Вами в период боевых действий на посту командира отделения В.О.Г.П.У. отряда в деле успешной ликвидации вооруженного бандитизма - награждает Вас, тов. Абаев Х.Х., вместе с настоящей Грамотой - боевым оружием - револьвером системы «Наган». Когда страна отмечала 15-летие Красной Армии, Абаева опять наградили Грамотой. И этот документ сохранился, в нем значится: «Выдана настоящая командиру РККА Абаеву Хусею.» А дальше говорится, что награждается Абаев «... за упорную работу по военной подготовке в области, за деятельную службу в рядах РККА».

Еще будучи в Краснодаре, в кавалерийской школе, Хусей вступил в комсомол, а с 1928 года связал свою судьбу с партией Ленина. Звание коммуниста нес высоко, старался оправдывать его на любом участке, куда бы ни посылала его партия. Но Абаев прекрасно понимал, что с каждым годом требования к коммунистам растут и чтобы идти в ногу с событиями дня, необходимая знания, глубокие, прочные. А их, честно признаться, было недостаточно. И он обращается с просьбой: «Прошу послать на учебу». Просьба его удовлетворяют. И вскоре Абаев отправляется в Москву. Где становится студентом Коммунистического университета трудящихся Востока. Успешно его заканчивает в 1938 году, возвращается в город Микоян-Шахар (ныне г. Карачаевск), начинает работать с начала в обкоме партии, а потом в облвоенкомате. У него происходят большие перемены личного характера - в его жизнь входит Зарият. Друзья сердечно поздравляли молодоженов, желая им крепкого здоровья и счастья. И счастье пришло - Зарият подарила мужу сына.

И все складывалось хорошо, лучше и не придумаешь. Но тут огненным вихрем ворвалась в жизнь людей война, все завертела, закрутила...

- Гитлеровцы напали, вероломно напали, как звери, из-за угла, - говорил Зарият Хусей, вернувшись поздно вечером домой, сам чернее черной тучи. А чего удивляться - от такой вести почернеешь поневоле, - Ну, ничего, запомни, Зарият, как бы нам трудно но было, выстоим, и мы победим фашизм. А тебе вот что скажу, дорогая моя, я подал заявление, прошусь добровольцем на фронт.

- А..., - хотела она что-то сказать, метнула взгляд на детскую кроватку, где разметался во сне их радость и счастье - Валерик, которому уже минуло полтора года.

- Не надо слов, Зарият. Ты ведь всегда понимала меня. Поймешь и теперь. Я коммунист и красный командир. И мое место там, где сейчас решаться судьба нашей Родины. Вот ты сейчас на сына взгляд бросила.

Так ведь за его счастье я и отправлюсь в бой!

- Правильно, правильно, - прошептала она, но и не могла сдержать слез. Как-никак, ведь на войну уходил отец ее ребенка, ее муж, ее опора в жизни.

Тринадцатого июля провожала Абаева и других товарищей в действующую армию. Прощаясь, он сказал землякам:

- Крепите дела в тылу, а на фронте мы не поведем. Ваши отцы и сыновья, которых вы провожаете сейчас, принесут в ваш дом победу!

- Сына береги, - сказал он в последнюю минуту прощания с Зарият, которая за слезами и солнца не видела.

А через несколько дней старший лейтенант Абаев уже вел в бой на полях Украины свой кавалерийский эскадрон. Трудное то было время. Враг наседали сильный, коварный, жестокий. Дымом пожарищ были объаты города и села Украины, лилась кровь людей. И хотя приходилось пока отступать перед превосходящим противником, но конники изматывали в сабельных атаках врага, не раз каленые клинки падали на головы гитлеровцев...

... Каждый день глазами, полными надежды, встречала Зарият почтальона. Но проходила девушка мимо, только роняла чуть слышно:

- Вам опять ничего нет, - и глядя, как бледнеет лицо женщины, старалась успокоить, - но вы не волнуйтесь, завтра обязательно будет, так случается, что задерживается письмо.

Но не было письма ни завтра, ни послезавтра, ни в последующие дни. Каких только дум не передумала Зарият. Сколько слез ее упало бессонными ночами на безмятежно спавшего сына. И уже когда не знала, что и думать вдруг 16 сентября утром тишину комнаты разорвал телефонный звонок. Дрожащей рукой взяла трубку, готовя себя к самому худшему.

- Вас вызывает Ставрополь, - сказала телефонистка междугородней станции.

И издалека, за десятки и десятки километров, донесся его голос, родной голос, который она узнает из тысячи голосов.

- Зарият, дорогая, это я.

В первые минуты от захлестнувшей радости и слова вымолвить не могла.

- Зарият, Зарият... Ты слышишь меня? Зарият... Наконец собралась с силами.

- Слышу...

Оказывается, Хусея прислали с фронта в краткую командировку. Ему предстояло сформировать кавалерийскую часть в Ставрополе и вернуться с нею на передовую.

- времени очень мало, Зарият. Поэтому немедленно приезжай с Валериком ко мне. Очень хочу видеть тебя и сына, очень. Жду.

Короткие сборы. Что еще взять с собой? А, ничего не надо, скорее в путь. Нет, возьму его бурку, его любимую бурку. Он с нею столько провел времени в боевых походах, сроднился крепко - накрепко, пусть она и на фронте ему послужит.

Хусей не зря говорил, что времени очень мало - все было рассчитано буквально по часам. Фронт ждал солдат. Поэтому, хотя Зарият и весьма спешила, чуть-чуть было, не опоздала. Застала мужа она уже на перроне вокзала. Стоял под парами паровоз, в вагоны уже были заведены лошади, бойцы заняли свои места. Абаев принимал рапорты от старших по вагонам, потом доложил своему начальнику.

- Товарищ полковник, - донеслись четкие слова до Зарият, - эшелон к отправке на фронт готов. Докладывает старший лейтенант Абаев.

Он давно уже заметил их, приветливо махнул рукой, но до тех пор, пока не закончил порученное ему дело, подойти не мог. Наконец, все выполнено. Есть несколько свободных минут. Подбежал радостный, взволнованный. Обнял, поцеловал, схватил Валерку.

- Ох, сынуля, да ты уже мужчина, - а тот испуганно пялил на него глаза, вот-вот готовый расплакаться.

- Что, ты дурачок, - заговорила Зарият, - это же твой папка. - Вздохнула горестно. - Забыл...

- Ничего, сынок, вот закончим драку, вернется твой папка, и все у нас будет расчудесно.

- Хусей, я тебе бурку привезла, твою любимую. Он мгновение смотрел на Зурият, словно не мог понять - о чем она речь ведет, потом улыбнулся.

Молодчина ты, я еще хотел попросить, чтобы ты ее захватила, а потом подумал - зачем такой груз таскать. А ты молодчина, сама додумалась. Спасибо, дорогая. Мне моей бурки очень не хватало на фронте.

Последние минуты прощания. Трогается эшелон.

- До встречи, родные.

Хусей вскакивает на подножку последнего вагона. Срывает с головы фуражку и машет ею. Он так и запомнился Зарият - стоит на подножке вагона и машет фуражкой. Закрой глаза - и будто вновь перед нею железнодорожный перрон Ставрополя, уходящий на фронт воинский состав и на подножке последнего вагона Хусей, ее Хусей, машет на прощание фуражкой... Сколько лет прошло, сколько перемен было в жизни, а это помнится. Словно произошло вчера... Могла ли она подумать в тот сентябрьский день сорок первого года, что видит его в последний раз...

Вскоре пришло письмо с фронта. Коротенькое. Хусей вообще не любил писать длинных писем. И теперь было всего несколько фраз. Жив, здоров. Береги себя, береги сына. Жди с победой.

Это было последнее письмо от него...

Опять он не спеша идет среди бойцов, кутаясь в бурку. После формирования в Ставрополе они, прямо с железнодорожных колес, пошли в бой. И се время бои, бои, бои... Только вчера три атаки отбили. Перебиты почти все лошади. Кавалеристы ходят врукопашную. Три дня назад очень жаркая схватка была. Тогда, когда бой достиг наибольшего напряжения, даже закрадывалось этакое сомнение - не выстоим, сломимся, уж очень жали гитлеровцы, ни с какими потерями не считались. Землю перепахали танками и снарядами, «мессеры» чуть не по головам ходили. Сильно уж хотелось фрицам в Полтаву. Но не вышло. Выстояли мы. Хотя и дорогой ценой, но выстояли. Потерь много, немало бойцов недосчитались, командира полка потеряли. Тогда и пришлось командиру эскадрона Хусею Абаеву принять на себя командование полком. Хотя, такой полк, одно название. От полка осталось, как в той поговорке, рожки да ножки, но все равно стоят ребята на занятых позициях, и не может фашист их столкнуть.

Где-то за спиной Хусея первый, робкий лучик солнца коснулся земли и затерялся в дыму, что клубится над землей, исковерканной снарядами и минами, проутюженной танками. Воронки курились притворным сладковатым дымом, кругом валялись, отдавая желтоватым, холодным блеском, стреляные гильзы, дымились подбитые танки, опустив книзу стволы пушек.

- Пора, - решил Абаев, - как только солнце поднимется, немцы сразу пойдут в атаку - пора.

Едва успели изготовиться к бою, как фашисты пошли в атаку. «Легки на помине», - подумал Хусей, передернул затвор пистолета, загнал патрон в патронник.

- За мной! - выскочил на бруствер окопа. - За Родину!

Рванулись бойцы за командиром. И тут рванул рядом снаряд. Как дерево под ударом топора валится на землю, так сник и Абаев. Но порыв его еще увлек бойцов. Отбросили они врага в этой атаке, опять не удалось прорваться фашистам к Полтаве.

После боя хоронили командира. Завернули Хусея в бурку, в ту самую бурку, что привезла ему тогда в Ставрополь Зарият, и отпустили тело сына Кавказа в украинскую землю. Дали трехкратный прощальный салют, поклялись отомстить... И пошли навстречу новым боям...

В городе Карачаевске, в то время когда собирал автор материал для повести, Абаева, того самого Валерия, которому едва минуло полтора года, когда отец его, Хусей Абаев, уезжал из Ставрополя на фронт. Он инженер, работал на одном из местных заводов. Жена Катя - учительница школы № 3. У них тогда было трое детей - Фатима уже во втором

классе, Мурат пошел в первый класс, а Шамилю всего пять месяцев. Жива была и Зарият. Как дорогие, бесценные реликвии хранили в семье документы мужа, отца и деда: комсомольский билет, Грамоты, аттестат об окончании Коммунистического университета трудящихся Востока, его фотографии. Светлую память о Хусее хранит его сестра, Айшат Хаджи-Умаровна Абаева. Она помогла восстановить многие факты из его жизни, за что ей сердечное спасибо.

Маленький Мурат, когда его спрашивают, кем он будет, отвечает:

- Я буду таким, как дед Хусей!

Если бы он услышал эти слова, большей награды ему и не надо бы. Да и может ли быть большей награды человеку, как видеть продолжение своих дел в делах сынов и внуков.

ЧАСТЬ II

И СКАЗАЛИ РЕКИ...

(ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ)

Борис из Мары

В один из летних дней, когда солнце только перевалило за полдень и зной загнал в тень все живое, а деревья замерли в расплавленном мареве - листом не шелохнут! - с рейсового автобуса что пришел из районного центра поселка Талалаевки в совхоз «Красный профинтерн», сошел парень лет двадцати - двадцати двух. Чуть выше среднего роста, широкоплечий, солдатская форма ладно сидела на нем.

Солдат поправил ремень, «Пробежал» рукой по пуговицам гимнастерки - все ли застегнуты. Огляделся. Пустынная улица. Никого. Да и сошел он здесь с автобуса один. Спросить не у кого. Медленно двинулся по улице разглядывая дома. Ага, вот тот дом, который ему нужен. Здесь сельский Совет. Зашел. Вскоре появился опять на пороге, огляделся, что-то прикидывает в уме. Потом еще раз открыл дверь и, не заходя, прямо с порога спросил:

- Значит, идти все прямо и прямо? Ясно, спасибо.

И пошел он, не спеша, сельской улицей. Через полчаса он уже стоял у небольшой могилы, обнесенной скромной изгородью из штакетника. Деревянную пирамиду, установленную на могиле, венчала красная звездочка. Солдат снял фуражку, прочитал надпись на пирамиде и тихо сказал:

- Здравствую, брат! Я привез тебе горсть земли с родного Карачая!

- Ви... Русиш швайн, - интендант толстый, брюху в узковатом мундире явно тесно, оно распирает его широкой складкой перевешивается через ремень. Тонкие ноги всунуты в офицерские сапоги с лакированными голенищами. Голенища очень широки для худосочных икр интенданта, оттого ноги кажутся еще тоньше. «Будто паук, - подумал Абдула, - и точно - паук. Брюхо - во! А ноги, как спички». Интендант поправил на круглом, густо усеянном веснушками лице очки и продолжал. - Вы здесь арбайт... Работай... Клеб... Бе, бе... Овца... Коров... Швайн... Млеко... Для фюрера и велик Германия... Саботаж - капут! - и похлопал рукой по кобуре пистолета:

«Ишь, гяур, еще грозитя, - Абдула незаметно сплюнул, - наступил бы на одну ногу, а за другую взял - только и пикнул бы».

... В сороковом году Абдулу Хапаева из аула Нижняя - Мара, что в Карачаево-Черкесии, призвали в армию. Кавалеристом стал горский парень. Нес службу в одной из воинских частей в Белоруссии, исправно, как и подобает воину, командиры не раз объявляли ему благодарности. Ког-

да началась Великая Отечественная война, кавалеристы с первых дней приняли участие в боях. Дрались смело, решительно. Словно стальные молнии, обрушивались на головы фашистов «конармейские наши клинки».

Был тяжелый бой. На конников «жали» значительно преобладающие силы врага, снаряды и мины когтили землю, утюжили ее танки. Огрызаясь, отходили кавалеристы. Последнее, что помнит Абдула, - яркое пламя, грохот, стена вздыбившегося грунта. Словно каким-то мощными клещами схватили его, вырвали из седла, и провалился он в темноту.

А потом плен, скитание по лагерям, и вот сегодня привезли в этот совхоз на Черниговской земле. Как сказал тот паук? Работать на фюре-ра, хлеб им поставлять, за овцами коровами ухаживать. Ну, что же, поживем - увидим. Хапаева с тех пор. А он после «свидания» с близким разрывом снаряда, почувствовал себя лучше, никогда не покидала мысль о побеге. Может быть. До своих частей и не добраться, но ведь рядом есть партизаны. Слышал о них Абдула, да и сами они о себе «дают знать». Летят в воздух мосты и эшелоны, пылают склады, недосчитываются гитлеровские гарнизоны солдат и офицеров. Так если постараться, можно и партизан найти. Правда, раньше никак не выпадал удобный момент, а теперь когда, в совхозе, да и за тобой часовой по пятам не ходит, надо попытаться. Слово нет - плен для воина - позор, бить врага можно и здесь. Где-то его родной Кавказ, землю его дедов и отцов заслоняют своей грудью украинцы, а он в этих местах поможет братьям в их борьбе.

Хапаеву поручили ухаживать за крупным рогатым скотом. С первого же дня своего нахождения в совхозе Абдула стал осторожно «прощупывать» обстановку. Присматривался к людям, будто ненароком ронял вопрос:

- Наверное, крутом, в этих лесах, партизаны действуют? Одни в испуге шарахались в сторону после такого вопроса — не дай бог, гитлеровцы услышат, головы не носить! Другие делали вид, что не уразумели, о чем спрашивает этот худощавый скотник с горбатым, тонким носом, с черными, будто ягоды паслена, глазами. Но пока Хапаев к людям присматривался, к нему тоже, оказывается, присматривались «зондировали». И, по всей видимости, такая проверка была в пользу Хапаева, так как однажды местный житель, работавший конюхом в этом совхозе, шепнул ему:

- Погонишь на водопой волив, назад не дуже спеши, с тобою там чоловик одын хоче побалакать.

Взволнованно забилося сердце - неужели удача?

На водопое к нему подошел заросший рыжеватой бородой до самых глаз мужчина лет сорока. Абдула даже не обратил на него внимание. Да чего обращать? Каждый день перед глазами мельтешит - то навоз выво-

зит, то воду доставляет на фермы.

- Закурить не найдется? - бросил тот.

- Не балуюсь. А ты бы свой табачок завел, чтобы не христарadniчить.

- Ишь, какой строгий.

- Какой есть.

Хапаеву хотелось поскорее отделаться от «любителя чужого табачка». Ведь нужный человек должен подойти. Увидит, что их двое и - поминай, как звали. Эх, принес шайтан этого бородача! Человек подошел вплотную к Абдуле и в полголоса сказал:

- Завтра вас погонят картошку в бурты зарывать. Приметь какие бурты самые дальние, как к ним сподручнее подобраться, где часовые расхаживают и как часто сменяются. - И добавил с этакой подковыркой. - Хотя и не куришь, а табачок держи, причина будет к тебе подойти, - и даже не взглянув в лицо остолбеневшему от неожиданности Абдуле, медленно пошел к ферме.

... Через два дня среди гитлеровцев - переполох. Несколько, самых дальних, буртов картофеля ночью кто-то разрыл и «выгчистил» до единой картофелины. А днем Абдуле опять тот же местный житель шепнул:

- Колы стемние, заглянь на хверму. Часовому скажешь, шло до волив треба.

... В темноте лиц не - разобрать. Присутствовало человек пять или шесть, Абдула из-за - темноты даже не разобрал. Все молчали, говорил один, говорил тихо. Сипел простуженной глоткой.

- Спасибо, парень. Долго мы к тебе присматривались все проверяли. Не обижайся, сам понимать должен, но маленький. Время такое. Картошки нам теперь надолго хватит. С Кавказа сам? Откуда? А. из Карачая... Это где? По Кубани и Теберде? Угу. Ясно. А звать как? Хапаев Абдула? Абдула, Абдула... Будем мы тебя звать Борисом. Считай это своей - партизанской кличкой. Задание тебе будут передавать.

... Не часто, но - передавали. Видно, берегли, боялись, чтобы не упало подозрение. В совхозе вдруг стали исчезать овцы, свиньи, а то и бык забредет куда - то - ищи - свищи. А там с отдаленного тока ворох зерна пропал. Рвали и метели гитлеровцы, повторяя бесконечно: «Партизаны, партизанен», а найти виновного не могли. Подозревали всех. Но подозревать - это еще не значит знать доподлинно. Да и потом - ведь всех подозреваем не перестреляешь, работать в поле и на фермах кому - то надо.

В редкие, очень редкие встречи в темноте. Где-нибудь в отдаленном углу скотного сарая, Хапаеву говорил все тот же обладатель сиплого, простуженного голоса:

- Спасибо, Борис. Та группа, в которую тыходишь, не плохо партизан харчами обеспечивает.

Но когда Хапаев сказал, что не к лицу ему, здоровому парню, быть вроде кладовщика, хочется в отряд, да оружие бы, да - на боевое дело.

- А это разве не боевое? - сердитое перебил его. - Это, пожалуй, потруднее, чем на передовой. Под носом у фашистов жить и обдуривать их, и не день, не два, а месяцами. Пустое говоришь, Борис. У нас в отряде и дети малые есть, и женщины, и лазарет свой. Добрые харчи - ох! - далеко не последнюю роль играют. Поэтому такие снабженцы, как ты и твои товарищи, - нам крепкая подмога. Считай так - пуд хлеба, что достали, это еще один удар по врагу. Понял?

- Понял.

- Так и действуй.

И он действовал. Шел месяц за месяцем. Патриоты делали все, что могли. А зимой сорок первого большие события произошли. Фашистам крепко дали по зубам под Москвой. На следующую зиму - на Волге, потом Курск, Орел... Все, ближе и ближе гром родных пушек. Да и партизаны не дают покоя врагу. Темноту ночи раскалывают взрывы, огненные вихри застилают горизонт, косят фашистов пули народных мстителей.

В один из вечеров на несколько минут собрались Хапаев и его товарищи.

- Есть приказ. Все, что можно из сельхозинвентаря, спрятать или так вывести из строя, чтобы можно было, потом быстро отремонтировать. Скоро наши придут, все это очень пригодится. Когда это задание выполним, приказано идти тогда навстречу фронту, пробиваться к своим.

В это время где-то рядом хлопнула дверь.

- Кто это там? - все вздрогнули.

Не знаю, - сказал после паузы Хапаев, - Вечером тут крутился управляющий Чайка, да вроде давно уже ушел.

Знаешь бы Хапаеву и его товарищам, что не ушел Чайка, а спрятался и подслушал всю беседу...

* * *

Вауле Нижняя Мара Карачаевского района жил старый горец Туган Джаубаевич Хапаев, отец Абдулы, которого украинцы называли Борисом. Брат Абдулы, Айтек, учитель местной школы, познакомил меня с письмами, которые слали украинские друзья Бориса в этот небольшой карачаевский аул, показывает документы. В одном, из таких документов читаю: «Ваш сын Хапаев Борис Туганович... был 26 августа 1943 года за участие в партизанском движении схвачен гестапо и повешен на территории совхоза и похоронен в совхозе «Красный профинтерн» Черниговской области». А потом прислал документ военкомом Талалаевского района Черниговской области Тихоненко. В нем значится: «В 1943 году... Хапаев и группа товарищей хотели пробраться к советским войскам, но узнал об этом управляющий Чайка и предал Хапаева и его товарищей немцам. Хапаев был повешен...» Вот какой ценой заплатили они за предательство Чайки, который подслушал их беседу в тот вечер...

Летели письма с Украины, летели в горную Карачаево-Черкесию. Писали Михаил Силкин, Ольга Лакиза, Паша Кириндас и другие товарищи, которые знали нашего земляка. Нельзя без волнения читать бесхитростные, идущие от самого сердца строки. Ольга Лакиза, которая видела казнь патриота, пишет, что мужественно, как и подобает воину, принял смерть сын гор, не дрогнул перед врагом, не согнулся. На грудь палача прикрепили ему бумагу:

«Так будет со всеми, кто организовывает банды». На листок, капля за каплей падала кровь с лица Бориса... А вот письмо Михаила Силькина: «Борис всего, каких то две - три недели не дожид до освобождения. 17 ноября 1943 года пришла наша Красная Армия, и были сказаны на могиле Бориса славные слова, и гремел салют из винтовок...» А вот еще одно письмо Ольги Лакизы. Она пишет о том, что за могилой воина ухаживают, сажают цветы. «Во время праздников школьники на могилу приносят венки».

... Брату Абдулы Айтеку довелось служить в армии на Украине. Он рассказал командованию о том, что в Черниговской области похоронен его брат, погибший в годы Великой Отечественной войны. Командование дало воину краткосрочный отпуск. Он приехал в тот самый совхоз. Пришел к могиле и сказал:

- Здравствуй, брат! Я привез тебе горсть земли из родного Карачая!

О чем Теберда шумит...

- Послушай, о чем шумит Теберда, - лицо у Локмана Эбзеева сухое, словно солнце и ветер тех ста десяти лет, что ходит по земле, выпили из него всю влагу до капельки, оттого оно и высохло, а не сморщилось, скулы обтянуты бронзоватой кожей, а глаза где-то глубоко прячутся в провалах глазниц, и хотя я давно знаком с этим горцем, но так и не могу точно сказать, како они цвета. Когда он сердится, мне кажется, что они темнеют, будто угли, а когда он добр, они тоже ласковые и почему-то приобретают синеватый цвет. Его узкие ладони сжимают кизилловую папку, рукоятка которой отполирована этими ладонями до того, что кажется покрыта бесцветным лаком. Сколько лет она служит своему хозяину, коль ладони так отполировали ее рукоятку?! Десять, двадцать, тридцать? А может, он вырезал ее еще мальчишкой, когда пас в этих горах отары овец? Кто знает. Даже сам Локман на это точно не ответит. Он положил свой острый подбородок на кисти, что покоятся на рукоятке палки, отчего худые плечи его поднялись над выгоревшей рубашкой к слегка оттопыренным, просвечиваемым солнцем ушам.

- Так ты слышишь, о чем шумит Теберда? - переспрашивает он. - Не слышишь... Не знаешь... Да и откуда тебе знать? Речку надо уметь слушать. Поживи с мое, может, и научишься. А шумит Теберда о том, что есть на земле река Днепр. Большая река. И стоит на берегу Днепра кра-

сивый город Киев. И жил до войны с фашистами в этом городе врач Илья Исаакович Гейдман вместе со своей женой Сарой Иосифовной. И было у них три дочери - Бронислава, Фаина и Лина.

Эбзеев замолкает, слегка покачивает головой, словно еще более внимательно прислушивается к тихому бормотанию Теберды, что перекатываясь по голышам, неумоимо несет от Главного Кавказского хребта в те места, где обнимается с бурной Кубанью, свои голубоватые струи, подаренные людям опаленными солнцем горными ледниками.

- А еще шумит Теберда о том, что в те годы жила в поселке Тебердинского курорта карачаевка Фердаус Дагировна Халамлиева. Очень старая женщина, много перевидавшая и много пережившая. От того ее черные волосы стали блее наших снежных вершин, а годы согнули когда-то крепкие, ровные плечи горянки. - Нетороплива речь Локмана Эбзеева. Бывая в Тебердинском ущелье я обязательно заходил к старику. Посидишь, послушаешь его, и кажется, что прочитал еще одну страничку чудесной книги, имя которой - жизнь. Он стар и мудр, этот сын Кавказа, как мудры эти горы, подпирающие белыми куполами ослепительную синь неба, как мудры эти леса, шагнувшие к синему небу изумрудными массивами деревьев и застывшие в пути, словно испугались своей смелости, как мудра эта вода, в хрустальной глубине которой купается небесная синева.

- Та война, что будто огненный вихрь, прошла над миром, перепутала судьбы людей, сорвала их с насиженных мест, понесла с одного конца земли в другую. Дети оставались без отца, мать седела от горя, орошая слезами могилу своих близких. А многие и не знали, где могилы их родственников, и мучились от горя, что не могут отдать последний долг тем, кто дорог. Разметала война и семью Гейдманов. Враг все ближе и ближе подходил к Киеву. Как грозовая туча, выплывая из-за горы, закрывает своей черной буркой солнце, так раскинул страшные крылья над городом на Днепре фашист. Наши солдаты дрались с теми, кто сеял смерть, а тех, кто не мог драться, поезда увозили на восток. Один из таких поездов увез дочек Илья Исааковича и Сары Иосифовны. Почему отец и мать не попали в этот поезд? Неведомо. Дети не знали, а отец с матерью могли бы рассказать, отчего так случилось, но никогда не расскажут. Фашист сжал на горле Киева свою не знающую жалости руку. И настала для города на Днепре длинная, страшная ночь, когда все кругом пахло кровью и смертью. Ты, конечно, слышал о Бабьем Яре, об этой страшной могиле, рассказы о которой заставляют шевелиться волосы на голове и сердце начинает биться так, что кажется, вот-вот разорвется. Еще не никто точно не знает, сколько тысяч невинных людей легко здесь под пулями фашистов. Никто не знает, и узнает ли когда-нибудь, неизвестно. В Бабьем Яру погибли Илья Исаакович и Сара Иосифовна.

Эбзеев замолкает. Мурлычет на перекатах голубоглазая Теберда,

плещет набежавшей волной у наших ног: поцелует берег, оставит маленькое ожерелье пены, словно нанижет его на острие прибрежных травинок, и оно в мгновение пропадает, а река мчится дальше.

- Ишь, как торопится встречаться с Кубанью, - говорит о Теберде, - Локман, - торопиться, - повторяет он в раздумье, вздыхает. - Так и дочки Гейдманов торопились на восток, чтобы уйти от врага, не знающего ни жалости, ни сострадания. Всякое бывало в пути. И голодно, и холодно. Но среди своих людей и горе не горе. Иногда даже теплое, задушевное слово согреет больше, чем чабанский костер в осеннюю дождливую ночь, и насытит сильнее, нежели жирный кусок горячей баранины с чашкой айрана. Потому что как неразделимы Теберда с Кубанью, так неразделимы и сердца людей, если они чистые, эти сердца, такие чистые, как воды реки, на которую мы сейчас смотрим. И добрались девочки до Карачаевска. Тогда он назывался Микоян-Шахар. А враг наступает. Уже и в наших горах отдается эхо его пушек. В те дни в одном из госпиталей города лечил раны, полученные в бою, сын Фердаус Дагировны Мухтар. Судьба и свела его с киевлянками. И рассказали дочери Днепра сыну гор о себе.

- А дальше не знаем, что будем делать, - говорила Бронислава Гейдман. - Фашисты не сегодня-завтра будут здесь. Куда пойдем? Впереди перевалы. Не осилим мы их. Но все равно, - твердо так сказала, - пойдем. Лучше в снегу в горах замерзнуть, нежели остаться там, где будут фашисты.

- Зачем замерзать в горах? - ответил Мухтар. - Пойдем в поселок Тебердинского курорта, там у меня есть мама, что-нибудь придумаем.

А танки фашистов уже мчатся берегом Кубани. И увел Мухтар киевлянок к своей матери, к Фердаус Дагировне. Темной ночью шли они. Днем нельзя было в то время ходить человеку по своей земле. Страшное имя, когда человеку нельзя ходить днем по своей земле. Днем ходил враг, он все высматривал, и ему ничего не стоило убить человека на его земле. Темной ночью Мухтар постучал в окно родного дома. Матери не надо было долго рассказывать. Она поняла своего Мухтара с полуслова и тихо сказала:

- Ты настоящий сын своего отца, - и гордость звучала в его словах. Взошло солнце над Тебердинским ущельем, но не наступил рассвет. День был темным, как вода в озере Кара-Кель, которое плещется в поселке, темным от горя и слез, от крови и смерти, что принесли с собой фашисты. На берегу этого озера, название которого в переводе на русский язык значит «Черная вода», враг поставил и черную, большую доску, на которой написал, что за укрывательство евреев смерть. И уже загревели выстрелы, полились слезы, полилась кровь. В туман оделись горы, как одевается в траур женщина, когда в доме беда. Замутилась чистая Теберда, так тускнеют глаза матери от горьких слез, которых ни вытереть, ни выплакать нельзя. Враг не щадил никого, будь то ребенок или седой

аксакал. Но мать не испугалась. Ее чистое сердце распахнулось навстречу этим трем киевлянкам, которых вихрь войны занес с равнинных берегов Днепра на крутые берега Теберды.

- Мухтар, - сказал она сыну, - в эти дни все может случиться. Враг может вломиться в наш дом. Возьми в руки хлеб, - она протянула ему сероватый, тяжелый, будто голыш, кусок хлеба военного времени. Он взял его крепкой рукой солдата. - Посмотри на этот хлеб. Поклянись хлебом - что бы не случилось. Как бы не наступал на твою грудь враг, ты всегда и всем будешь говорить, что это твои сестры.

Мухтар понимал, что горцу поклясться на хлебе это все равно, что поклясться на молоке матери. И хотя сын был солдатом и не выдал бы тайны, но, повинуясь матери, поклялся...

- А теперь они наши дети, - сказала Фердаус Дагировна, - значит, и имена должны быть наши, горские. Ты, Бронислава, станешь Байдымат, ты, Фаина, - Фатимой, а ты, Лиина, - Асият. Подальше от злых глаз, отведешь ты их, Мухтар, в Джемагатское ущелье, там есть дальний кош, где мы раньше овец держали. Знаешь? - сын кивнул головой: «Знаю».

- Переждете беду, Мухтар оставит вас, он уйдет к своим, он солдат, ему воевать надо. Но не бойтесь - там есть что кушать, есть и топливо.

Но как в отаре заводится плохая овца, так и среди людей заводятся не люди, а собаки. Хотя и ночью пробирался Мухтар с киевлянками домой, но одна из таких собак, что хватала недоеденные куски с котла фашистов, заметила его и донесла хозяевам:

- Халамлиева спрятала трех евреек. Как стая коршунов, ввалились полицаи в дом горянки:

- Где они?

- Кто - «они»?

- Не крути, мы все знаем. Куда девала трех евреек?

- То не еврейки, то дети мои - Байдымат, Фатима и Асият.

- Ах, ты так, ну, держись!

Словами не передать тех мук, что испытала Фердаус. Ее били, выкручивали руки, рвали ногти, волосы жгли огнем. Требовали одного:

- Скажи - где?

И надо было сказать единственное слово, единственное слово о совершенно чужих людях, о которых она вчера еще ничего не знала. Но то было вчера, а сегодня - это ее дети, это за них она требовала клятву от своего сына. И никакие муки не могли заставить мать предать детей.

- Весь твой род выведем до последнего колена. Скажи - где? - Мол-

чала мать. И даже мысль не могла промелькнуть в голове женщины, что по ее вине, по вине матери, может пролиться кровь невиновных. А в душе мать молилась: «Идите скорее. Дети мои, к тому месту, куда я вас послала. Горы укроют вас от лихих зверей и от глаз звериного». И вняли горы зову материнского сердца, и укрыли ее детей.

Но тучам не одолеть солнца. Осилили люди врага, потушили пожар на земле. И проводила с крутых берегов Теберды на равнинные берега Днепра своих названных дочек Фердаус Дагировна Халамлиева. Когда будешь в поселке курорта Теберда, там, возле озера, был небольшой дом. В нем жила Фердаус Дагировна. А в Киеве - Бронислава, Фаина и Лина.

Локман опять к чему-то внимательно прислушивается.

- Послушай, как шумит Теберда. О чем она шумит? Может, о том, что принесла почта еще одно радостное письмо с берегов Днепра в дом старой горянки?

Наверное, о том...

Мама Кули

- Чему вы улыбаетесь?! - изумился Юрий Иванович Логинов, поведав начальнику Карачаево-Черкесского областного управления культуры Султану Саидовичу Темирову трагическую историю своего детства, - Тут рассказ о беде, а вы улыбаетесь.

Юрий Иванович - писатель из Ленинграда. В свое время он возглавлял отдел прозы журнала «Нева». А в горный край его привели творческие замыслы. В те годы, когда гитлеровцы временно оккупировали эти места, в районе курорта Теберда они совершили одно из своих злодеяний: уничтожили эвакуированных из санаториев Крыма детей, больных костным туберкулезом. Но некоторым - буквально по пальцам можно пересчитать - удалось убежать. В том числе и шестилетнему Юре Логинову.

Бродили по Тебердинскому поселку бездомные детишки, запуганные, дрожащие, как загнанные зверьки. Голодные, холодные, больные... И помогали им местные жители чем могли.

Не забылась с годами та теплота человеческих сердец, которые сумели хоть немного, хоть чуть-чуть обогреть этих маленьких людей, войной обездоленных. Поэтому они и выжили, что на пути встретились такие люди, поэтому до преклонного возраста с глубокой благодарностью вспоминают их.

Вот о тех тяжких годах и о людях щедрой и доброй души, о дружбе, для которой не существует ни времени, ни расстояния, ни чужих бед, и решил создать писатель Логинов книгу. Ему не надо было выдумывать сюжет. Этот сюжет преподнесла ему сама наша жизнь. А для уточнения некоторых деталей он приехал в Карачаево-Черкесию. Встретился с тог-

дашим руководителем местной журналистской организации кандидатом филологических наук Назифой Кагиевой. А вот теперь встреча с начальником областного управления культуры...

Но перед этой встречей с Султаном Темировым он был в Теберде. Расспросил местных жителей где живет одна из карачаевок. Назвал фамилию. Казалось сердце выскочит из груди... Хотя, столько времени прошло, столько событий прошумело над этой землей, что не всякому сердцу вместить. Разве вспомнит та женщина того крохотного, хромого ленинградского мальчугана, которого безжалостный огненный вихрь войны занес с берегов Невы на берега Теберды. Сжав сердце, буквально, в кулак, постучал в дверь. Торопливые, еле слышные шаги. Распахнулась дверь.

Вдвернем проеме преклонных лет женщина. Годы избородили морщинами ее лицо, но глаза... Их да не помнить! Через многие и многие дни пронес он их теплоту и годы не выпили ее, они и теперь такие же сердечные, готовые подарить добро всем людям. В горле застрял комок, еле преодолел его.

- Здравствуйте, мама Кули, - с трудом проговорил он Женщина заморгала часто, часто, закапали слезы.

- Юра, - тихо проговорила она, - дорогой Юра, - и хлынули слезы и у нее, и у него, трудно сказать у кого их больше было их.

Юрий Иванович вспоминал, что среди других карачаевцев, жителей Тебердинского поселка, особенно запомнилась ему одна женщина, которую он называл потом «Мама Кули». У нее всегда были для таких, как он и чашка айрана, и кукурузные лепешки - гырджын, и вареный початок кукурузы - нартюг. И тишайший и тепленький уголочек в ее доме нашелся... И приютился в нем маленький Юра, из Ленинграда, прожил далеко не один день. Отвлекается немного от рассказа, Юрий Иванович. Это только в воспоминаниях кажется все таким безоблачным. А ведь узнай об этом фашисты или их прихвостни - итог один: петля на шею или пуля в лоб. Но любовь в сердце матери был превыше этих опасений, оно, это сердце, видело только ребенка, больного, несчастного, но которого можно спасти. А для матери только ребенок, только его жизнь - и все.

Оттого в сердце матери он остался навсегда навечно, оттого она, мать, и узнала его сразу, и годы не могли погасить его образ в ее душе. Она - мать и этим все сказано!

Но вернемся к встрече Логинова с Темировым, вернемся к воспоминаниям Юрия Ивановича.

- Вот так оно было, - закончил Логинов. Вот тут и улыбнулся вдруг Султан Саидович.

- Не гневайтесь, Юрий Иванович, - сказал Темиров, - ваш рассказ для меня голос детства, поэтому и улыбнулся. У нас в семье до сих пор

хранят воспоминания о тех детях. А «мама Кули», о которой вы говорите, это моя мать, Кули Мустафаевна...

Факел комсорга

Передо мной скупые строчки официального письма. Оно пришло из Севастополя, из военно-морского музея Черноморского флота и подписано временно исполняющим обязанности начальника этого музея Д. Семидидько, и адресовано матери воина. Рассказывает оно о ее сыне. Много лет этому письму, но над событиями, о которых идет речь, время не властно.

... Гусейнов понимал, что положение отряда почти безнадежное. Почти... Гитлеровцы взяли его в крепкие клещи. Вначале все складывалось как нельзя лучше. Тогда холодной ночью, когда рокотало беспокойное Черное море и волны его, набегая на берег, гасили немецкие ракеты, что вспарывали темноту мертвым, белесым светом, отдельный батальон морской пехоты начал высадку десанта в Новороссийске. Подвиг Гусейнова, о котором говорится в письме из музея, подтверждается и другим письмом, где срединных военачальников/есть и подпись командира. Новороссийской военно-морской базы, Героя Советского Союза, вице-адмирала Г. Холостякова: «Лейтенант Гусейнов был комсоргом 393-го батальона... Он первым высадился с взводом автоматчиков в город Новороссийск, занятый врагом. Автоматчики во главе с лейтенантом Гусейновым прорвали береговые укрепления врага и устремились вперед».

Устремились вперед, забрались глубоко в тыл врага и, как любят говорить моряки, наделали там крепкого «шухера». Шло освобождение от гитлеровцев Северного Кавказа, в том числе и родины лейтенанта Гусейнова, нынешней Карачаево-Черкесии, и его аула Мара. Бойцы успешно выполняли приказ командования - отвлечь как можно больше сил противника, тем самым облегчить высадку основного десанта. И там, где было наиболее жарко, всегда оказывался командир отряда, комсорг батальона Гусейн Магометович Гусейнов, наш земляк, паренек из Карачаево-Черкесии, ушедший в армию еще до начала Великой Отечественной войны. Десантники ликвидируют отдельные группы фашистов, взрывают склады с боеприпасами и горючим, уничтожают технику, рвут связь... И никак враг не может нащупать горстку храбрецов.

Но силы были явно неравными. Взебешенные фашисты бросили на матросов во много раз превосходящие силы, к тому же и вооруженные покрепче. Даже пушек не жалели. Врагу удалось в одном месте заклинить отряд. Гусейнов понимал, что положение почти безнадежное. Почти... Лучшим выходом был тот, который бы позволил вырваться бойцам из смертельного мешка. И командир увидел этот выход, это «почти», которое можно реализовать. Однако воспользоваться им можно, заплатив весьма дорогой ценой. И Гусейнов твердо решил - это его долг, долг комсорга батальона и командира отряда. Он обвязывается связками гранат. Подзывает помком взвода:

- Остаешься за меня. Я проберусь к фашистам. Как только раздастся взрыв, не дай врагу опомниться, поднимай моряков на прорыв. Уверен - прорветесь!

Обнялись на прощание. И пошел лейтенант. Немцы думали, что он идет сдаваться, не стреляли. А когда Гусейн подошел вплотную, увидели навешанные на его поясе гранаты, вскинули автоматы. Но поздно... Чека из «лимонки» вырвана. Ослепительный факел взметнулся к небу. Застонала земля, прощаясь со своим верным сыном. Ярким факелом вспыхнула жизнь молодого горца дабы навсегда немеркнущим светом остаться в сердцах людей.

Обелиск у Эльбруса

Эта тропа, что вблизи Эльбруса, всегда будет, и всегда по ней будут идти люди, кто в туристский поход, кто испытать силу и ловкость в делах альпинистских, кто просто по хозяйственным своим нуждам... И всегда они, эти люди, останутся у скромного солдатского обелиска, прочитают надпись на нем, взгрустнется им от мысли - когда-то в здешних местах безжалостная война сожгла еще одну человеческую жизнь, и поклонятся памяти воина...

С Тауджигитом Бимурзаевичем Хапаевым мы встретились в его родном ауле Хурзук. Он - электрик местной школы, ему тогда было тридцать лет, высокий, широкоплечий, у него крепкое рукопожатие, чувствуется недюжинная сила, которую передали ему и эти горы, что подпирают светло-синий шатер высокого неба и от которых начинает нести свои воды неугомонная Кубань, и это яркое солнце, и этот необычайной чистоты воздух, настоящий на запахе хвойных лесов, что распластались вокруг аула, куда ни кинь взгляд. На его художавом, с не проходящим загаром лице так кстати эти черные усы, что свисают под крючковатым носом по обе стороны тонкогубого рта. Вот его дом, ухоженный заботливыми, неутомимыми руками жены Кулизар и наполненный веселым щебетом трехлетней Фатимы и двухлетнего Джамала. А привело меня в этот дом одно событие. О нем и рассказ...

-В тот день, вместе с братом Бородиным Хапаевым, мы пошли искать моих коз, которые забрели куда-то в горы. Прошли на конях сначала ущелье Улу-Хурзук, что ведет к Эльбрусу, потом лощину Кички-Никол. Высоко забрались, более трех тысяч метров. - Тауджигит неторопливо вяжет узор своего повествования, будто каждое слово, прежде чем произнести пробует на вкус. По всему чувствуется, что вновь он переживает то, что тогда произошло.

-Коз мы, конечно, нашли, но не об этом речь. Мы заторопились домой, так как солнце уже садилось. Вел наповоду свою лошадь, склон, где спускался, был пологий, леса нет, нагромождение валунов, рядом -

серый наплыв мелкой осыпи. И вдруг на этой серой осыпи я увидел маленький черный граненый предмет, он цветом своим резко выделялся, поэтому глаза на нем и остановились. Вроде осколок какой-то горной породы. Еще подумалось: «Смотри, как солнце да ветер «обработали» его». Взял, положил в карман.

Тут следует сделать маленькое отступление. Дело в том, что Хапаев любит собирать в горах различные минералы. У него в доме своеобразный маленький музей, где можно увидеть многие камни, даже кусочек лавы, той самой, что когда-то, в давние века, изверг из своих недр огнедышащий вулкан Эльбруса. От того и было первым порывом Тауджигита подобрать тот необычный предмет.

Но когда он пришел домой, сел за стол, достал тот предмет и положил его перед собой, то ...

-Поверьте, сердце у меня зашлось, - говорит Хапаев, - когда увидел, что это не кусочек горного камня, а то, что мы называем «солдатским медальоном».

Помнят фронтовики такие «медальоны». Маленькая пластмассовая капсула из двух половинок, которые скручиваются. Внутрь вкладывается листик бумажки, на котором пишется адрес солдата, его родных... Гибнет воин в бою, а по этой записи находят его близких, чтобы сообщить им... Вот он лежал теперь на столе перед Хапаевым. Дрожащими руками раскрутил его... Заглянул внутрь... Серееет, свернутая трубочкой, бумажка... Перехватило дыхание... Ведь это же не просто бумажка, это же чья-то солдатская судьба... Но ведь столько времени прошло, бумажка та стала хрупкой-хрупкой, одно неосторожное движение - и рассыпется, поминай, как звали. И та тонкая ниточка, что тянулась от этой солдатской судьбы в день сегодняшний, оборвется, и оборвется навсегда.

Потому-то, сдерживая дрожь в руках, Хапаев осторожно, иголкой, достал бумажечку. Стараясь даже не дышать в ее сторону, дабы не рассыпалась, осторожненько-осторожненько расправил ее на столе. Запись сохранилась. Синими чернилами было написано: «Командир отделения Стогов Алексей Александрович, 1916г. рождения, адрес: Московская область, Дмитровский район, село Деденево». И рядом - еще один адрес: «Московская область. Дмитровский район...» - и все. Как погиб в бою воин Алексей Стогов, мы не знаем и никогда не узнаем. Известно одно нам, что в этих местах шли жестокие бои, наши войска изматывали в схватках хваленных гитлеровских «эдельвейсов», не пуская их через перевалы Главного Кавказского хребта к Бакинской и Грозненской нефти. Повторяю, изматывали в боях гитлеровские полчища, а сами накапливали силы, чтобы перейти в наступление и начать освобождать Северный Кавказ от фашистов, в том числе и нынешнюю Карачаево-Черкесию. И такой час наступил в сорок третьем, пришла свобода в эти

горы и вместе со своими боевыми побратимами нес ее и москвич Алексей Стогов. Мы можем только предполагать, что в одном из этих боев и участвовал Алексей Стогов, и, может быть, уже смертельно раненный, чувствуя приближение кончины своей, выбросил «медальон», в надежде на то, что найдут его потом люди и сообщат его близким, где погиб солдат. И не ошибся... Хотя и через много лет, но нашел «медальон» человек неравнодушный, человек светлой души... Что именно он таков, свидетельствуют все потом происшедшие события...

- Немедленно написал я письмо в «Комсомольскую правду», - рассказывает Хапаев. - Почему в «Комсомолку»? Да ведь она столько пишет о наших воинах, был уверен, что и тут поможет найти близких погибшего. И что вы думаете? - В голосе Тауджигита звучит горечь. - Получил я из «Комсомолки» самую что ни на есть формальную отписку: мол, не станем мы этим заниматься, а вы, если хотите, то ищите. Как это не похоже на «Комсомолку».

У другого бы руки опустились после такого ответа из редакции. Кстати, видел я этот ответ. Когда был дома у Хапаева. Подобный ответ не выбил Хапаева, как говорится из колеи. Он едет в Карачаевск, в военкомат. И тут встретил очень внимательного, чуткого человека, сотрудника военкомата Валерия Васильевича Чернова. «Будем искать», - твердо заявил тот. Дело еще осложнялось и тем, что хотя в «медальоне» и были адреса, но не было фамилий тех, кто проживает по этим адресам, кому непосредственно посылать письмо. Значит, предстояло еще найти родственников Стогова. А живы ли они? Ведь столько времени прошло...

Не будем подробно останавливаться на самих поисках, одно скажу, поверьте на слово - нелегкими они были. Но вот через много дней поисков приходит в аул Хурзук письмо. «Здравствуйте, незнакомые нам Тауджигит Бимурзаевич и ваша семья! Пишет вам из Подмоскovie семья погибшего в 1942 году в ваших краях Стогова Ал. Ал., «медальон» которого вы нашли и сдали в Карачаевский военкомат, он нас и известил об этом. Мы вам очень и очень благодарны. Ведь только сейчас благодаря вам мы узнали, где погиб наш брат и отец - у него есть дочь, а до сих пор у нас было извещение, что он пропал без вести, последнее письмо от него пришло летом сорок второго года из Краснодара».

Так начиналось письмо родной сестры Стогова Евгении Александровны Стоговой, по мужу - Федоровой. И дальше пишет Евгения Александровна Хапаеву: «Вы теперь для нас родной человек, родные для нас вся ваша семья, двери нашего дома всегда для вас открыты». Читаешь эти немудреные, идущие от чистого сердца слова и невольно думаешь о том, как в жизни нашей страны все взаимосвязано: сын России пал в битве, защищая свободу и братство горного края, а сын этого горного края, родившийся много лет спустя после той войны, делает все для того, чтобы сберечь память сына России и крепить те узы братства людей, ради которого и отдал

жизнь солдат. И нету такой силы, чтобы разорвала это братство.

Они встретились - Хапаевы и Стоговы. В аул Хурзук приехали из Подмосковья дочь Стогова Нина Алексеевна, по мужу Павлова, ее муж - Игорь Михайлович, родная сестра солдата Евгения Александровна и ее внучка Наташа. Они вместе с Хапаевым поднялись высоко в горы, в те места, где погиб Алексей Александрович Стогов, откуда до двуглавого Эльбруса рукой подать. Поклонились той земле, в которой покоится прах близкого им человека. Жаль только, что нельзя установить - где, за какой скалой, в какой каменной осыпи лежат его останки... Горько, конечно, что нет могилы солдата на этой земле, но утешает близких и то, что знают они место, где он погиб, и нет уже «без вести пропавшего»... И у той тропы, что ведет к Эльбрусу, высоко в горах, установили русская и карачаевская семьи обелиск русскому солдату. На нем слова: «Алексей Александрович Стогов. 1916-1942. Погиб за Родину».

А потом от дочери Стогова Нины прилетело письмо в аул Хурзук Хапаевым:

«Обязательно приезжайте. Мы вас очень ждем. Крепко вас обнимает вся наша семья». И этой фразой - больше и убедительнее сказано о братстве людей, чем в иных толстенных научных фолиантах...

...Эта тропа, что вблизи Эльбруса, всегда будет, и всегда будут по ней идти люди... И всегда они, эти люди, остановятся у скромного солдатского обелиска...

СЫНЫ

Смотрит на сыновей мать, уносят ее мысли... И плетется в ее голове неторопливая, задушевная беседа. Жаль, нет тебя со мной, Ахья. Но сегодня, когда ко мне пришли все сыны, к тебе мое маленькое слово. Нет, милостива была к нам судьба, что наградила такими детьми. Трудно было без тебя, отец и муж Ахья, растить их, выводить на прямую дорогу жизни. Что сделаешь? Не знает ни одна жена и мать в мире таких слов, которые могли бы остановить смерть. Но чиста моя совесть перед твоей памятью, муж мой. Наши сыны - гордость наша.

Вот так, как стоят они сейчас перед мной, стояли в тот год старшие Осман и Ахмат. Они говорили:

- Аннам, враг пришел на нашу землю. От коричневого чумы сохнет трава на альпийских лугах, чернеет снег на вершинах Кавказа, а слез и крови людской столько, что замутилась кристальная чистота горных рек. Благослови, аннам, на бой.

И я благословила их. Ушли они туда, где бушевал огонь. И спалил этот огонь Ахмата, вернулся домой один Осман. Как немеют в горах птицы когда идет зимняя стужа, так занемело у меня сердце от горя. Но разве только у меня огонь сражения сжег сына? Сколько их не дождалась матери на всей родной земле. Зато дети наши принесли людям свободу.

И сейчас пришли ко мне сыны. Осман, Магомет, Маджит и самый младший - Назир. Любуюсь ими. Да и как не любоваться? И ты, муж мой, Ахья, любовался бы ими, если бы был жив. Возьми хотя бы Османа. Кто не знает в Карачаево-Черкесии, да и не только здесь, а и на всем Ставрополе и дальше сына нашего, писателя Османа Хубиева. Еще мальчишкой начал он писать стихи о нашем крае. Когда ему исполнилось только семнадцать лет, вышла первая его книга песен о молодых и счастливых. Она так и называлась «Комсомольские песни». Давно это было, годы прошли, а для матери - словно вчера. Храню я эту маленькую книжечку как зеницу ока, и нет мне ничего дороже ее. Ведь этой книгой мой сын сказал, что он стал уже мужчиной. Потом печатались и другие книги. А пришел Осман с войны и написал большую книгу и назвал «Аманат». Если это перевести с карачаевского на русский, то будет означать «Наказ». Этот боевой наказ, который наши сыны выполнили на поле боя, где кровью скреплено братство русских и карачаевцев, черкесов и украинцев, белорусов и абазин, и других сынов матери нашей страны.

Книга Османа нашла тропу к сердцу людей. Читают ее, говорят о ней. А юноша из нашей области Алий Богатырев, когда учился в Ростовском университете, то для защиты диплома выбрал работу по книге Османа Хубиева «Аманат». Ученые люди похвалили эту работу и поставили самую высокую оценку - «отлично».

Магомет учит юношей и девушек в институте, но книги писать тоже любит. Вот она у меня его первая книга «Алан». Маленькие, забавные рассказы о смешных случаях в жизни людей. Говорят, что перевел эти рассказы на русский язык московский друг нашего сына тоже писатель Ладонщиков, и что скоро напечатает ее в Москве. Хорошо, если так. еще одна радость добавиться сердцу матери.

А Маджит? Ну, что с того, что у него много времени отнимает работа на маслосырзаводе, его руки тоже тянутся к перу. Правда Ахья, он не пишет стихов и рассказов, а пишет, так назвал он мне научные статьи. Что сделаешь? Каждому свое. Но недавно он принес мне большую радость. В Ставрополе, в сельскохозяйственном институте, похвалили его труды.

А вот и самый младший - Назир. Сын слагает стихи. Первую свою книгу он назвал «Анам», что по нашему значит - «Мать». Еще одна радость у меня на сердце, что мне, матери, сын посвящает свое первое детище. У него, Назира, уже немало книг. И работу его очень хвалит большой русский писатель Тихонов. Назир читал его слова мне, и я запомнила их. Тот писатель говорит, что в стихах нашего сына живет благодарность людям за их братскую дружбу, понятен его восторг перед горными тенистыми речками, перед снежными вершинами, перед альпийскими дугами. И когда Назир назвал свою книгу стихов «Всадник», Николай Тихонов не только перевел много стихов на русский язык, но и сам написал о на-

шем сыне доброе, теплое слово. Я видела портрет этого человека. У него белые, белые, как вершины Эльбруса, волосы. Волосы человека много пережившего и много видевшего на своем веку. А лицо его открытое, сердечное. Люди с таким лицом говорят только правду.

Вот такие. Ахья, у нас выросли сыны. Об этом, мой муж, и хотелось мне тебе сегодня рассказать.

Старая Мамурхан переводит взгляд с одного сына на другого, и не знает - на ком - же больше задержать взгляд? Все дороги ее сердцу. По какому пальцу не ударь, большому или маленькому, разве от этого боль станет меньше?

- Что, сыны мои?

- Мы уезжаем, аннам. - говорит Осман.

- Куда? - в глазах промелькнула тревога.

Меня, аннам, - говорит Осман, - посылают с делегацией в Сибирь, Назир едет в гости к немцам, а Магомета отправляют на учебу в Москву. Разреши, аннам, отправиться в путь?

Она долго молчит. Разлука немного страшит ее. Она знает, что не так уж много дней осталось ей слышать говор неугомонной Теберды. И вдруг она больше не увидит сынов? Но если их посылают, значит так нужно, значит от этого польза будет людям.

- Езжайте, сыны мои...

Она долго смотрит им вслед, через широко раскрытую дверь. Они идут плечом к плечу ее сыны идут уверенно хорошей дорогой. Улыбка чуть-чуть трогает бесцветные губы горянки, и она шепчет:

— Пусть ваша дорога будет такой светлой, как весенний рассвет в горах, и чистой, как воды Теберды.

Некоторые читатели меня могут упрекнуть: «Ведь многие из героев документальных повестей и рассказов уже покойники. Почему же автор пишет о них, как о живых?». Отвечаю. За дела их бессмертные, за дела которые выполнены для блага людей. А коль их дела бессмертные, то и авторы тоже бессмертны. Вспомним, что утверждал А.С. Пушкин? А он утверждал, что человек жив до тех пор, пока о нем помнят. Так давайте будем помнить...

СОДЕРЖАНИЕ:

НА СЛУЖБЕ ПАМЯТИ

(об авторе).....3

ЧАСТЬ I.

И СКАЗАЛИ ГОРЫ

(документальные повести)8

ВЕТЕР РОВЕНСКИХ ЛЕСОВ.....8

БУРКА ДЖИГИТА.....27

ЧАСТЬ II.

И СКАЗАЛИ РЕКИ...

(Документальные рассказы)39

БОРИС ИЗ МАРЫ.....39

О ЧЕМ ТЕБЕРДА ШУМИТ43

МАМА КУЛИ47

ФАКЕЛ КОМСОРГА49

ОБЕЛИСК У ЭЛЬБРУСА....50

СЫНЫ.....53

Отпечатано в полиграфической фирме ООО Печатня, 2005 г.

355035, Ставрополь, ул. Коминтерна, 46.

Тираж 999 экз.